

КУРЬЕР ЮНЕСКО

ДЕКАБРЬ 1982

ВОЙНА ВОЙНЕ

- Адонис
- Ай Цин
- Брейтенбах
- Вознесенский
- Гинзберг
- Карденаль
- Кортес
- Лабу Танси
- Мелло
- Притам
- Сиранси
- Фай

Время жить...

Photo © Fulvio Rötter, Venice

ИТАЛИЯ

Женщина Валь-Камоники

Дни — это дом, где суждено
Нам проводить за годом год.
Нас пробуждает их приход,
Уход их усыпляет нас.
Для счастья и для жизни нам
Иного дома не дано.

(Отрывок из «Дней» Филиппа Ларкина)

ПУБЛИКУЕТСЯ НА 26 ЯЗЫКАХ

Русском	Иврите	Македонском
Английском	Персидском	Сербско-
Французском	Голландском	хорватском
Испанском	Португальском	Словенском
Немецком	Турецком	Хорватско-
Арабском	Урду	сербском
Японском	Каталанском	Китайском
Итальянском	Малайзийском	Болгарском
Хинди	Корейском	
Тамили	Суахили	

Шрифтом Брайля ежеквартально публикуется подборка статей на английском, французском и испанском языках

Публикуется ежемесячно ЮНЕСКО — Организацией Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры

Адрес главной редакции
ЮНЕСКО, Франция, Париж, 75700,
Плас Фонтенуа

Главный редактор Эдуард Глиссан

ISSN 0304-3150

4 ВОЙНА ВОЙНЕ
Жан-Жак Лебелль

5—19 АНТИВОЕННЫЕ СТИХИ:

Адонис, Ай Цин, Брейтен Брейтенбах, Эрнесто Карденаль, Джейн Кортес, Жан-Пьер Фай, Аллен Гинзберг, Сони Лабу Танси, Тиаго де Мелло, Амрита Притам, Кадзуко Сираиси, Андрей Вознесенский

20 МИРОВАЯ ПОЭЗИЯ ДО И ПОСЛЕ ХИРОСИМЫ
Стефен Спендер

22 ОДНОЗВУЧНЫ С ИМЕНЕМ БЕЛОРУССИИ
Купала и Колас, певцы свободы
Максим Танн

24 ЯВИСЬ СВ. ФРАНЦИСК СЕГОДНЯ,
услышал бы современный мир глас «апостола нищеты»!
Карло Бо

27 ВИФРЕДО ЛАМ
Франсиско Фернандес-Сантос

28 ШИМАНОВСКИЙ: ЖИЗНЬ И МУЗЫКА
Ю. Уолдоп

30 БАРАДИ: ПОЭТ И ПАТРИОТ
Н. Сваминадан

32 ПАМЯТНИКИ ХЮЭ

34 ХРОНИКА ЮНЕСКО

2 ВРЕМЯ ЖИТЬ...
Женщина Валь-Намони (ИТАЛИЯ)

От Главной редакции в Париже

Штаб-квартира ЮНЕСКО в Париже стала 10 декабря 1982 г. местом проведения международного форума, с трибуны которого поэты многих стран выразили в своих произведениях протест против непрекращающегося угнетения народов и вооруженных конфликтов, где слились воедино голоса поборников мира, поэзии и свободы, обживших «войну войне».

К большому сожалению, объем нашего журнала и недостаток времени не дали возможности опубликовать стихи всех участников этого форума. Тем не менее в произведениях двенадцати поэтов, предлагаемых в этом номере «Курьера ЮНЕСКО» — часть из них публикуется впервые, — несмотря на различия стилей, ак-

центов, культурного фона авторов и несмотря на неизбежные в переводах неточности, ясно слышен понятный каждому гневный голос поэта, решительно осуждающего войну и страстно призывающего ко всеобщему братству и миру.

В этом номере мы отдаем дань уважения еще трем поэтам, столетие со дня рождения которых отмечается в 1982 г.: Субраманье Баради, реформатору тамильской литературы, который боролся за независимость своей родины, но не дожился до этого дня, а также Янке Купале и Якубу Коласу, несгибаемым борцам за социальное освобождение, творцам современной белорусской литературы.

«Курьер ЮНЕСКО» не мог обойти в 1982 г. молчанием и годовщи-

ны со дня рождения таких выдающихся личностей, как Франциск Ассизский, чьи идеалы, как отмечает итальянский писатель Карло Бо, находят своих приверженцев спустя восемь веков, и польский композитор Кароль Шимановский, музыка которого по праву приобретает в наше время все большее признание.

И наконец, мы (к сожалению, в очень краткой форме) отдаем дань памяти скончавшемуся в сентябре 1982 г. кубинскому художнику Вифредо Ламу, полотна которого полны пламенного творческого огня, порожденного слиянием различных культур.

Обложка: рисунок Роберто Матта
Photo "Unesco Courier"

ВОЙНА ВОЙНЕ

Поэты разных континентов в ЮНЕСКО

Жан-Жак Лебель

В штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже выставлено немало произведений искусства, переданных Организацией в дар. Среди работ, привлекающих внимание посетителей и сотрудников ЮНЕСКО, «мобиль» Колдера, настенная живопись Пикассо и Глазунова, керамика Миро, скульптуры Мура, Джакометти и Сото, а также настенная живопись Матта. Но это далеко не полный перечень интересных произведений искусства в штаб-квартире. В этом номере «Курьера ЮНЕСКО» на с. 4—21 мы знакомим читателей с некоторыми из них. Вверху: современная скульптура, изображающая человека, созерцающего мир (Перу).

Photo Unesco

Проводя поэтический вечер в ЮНЕСКО, мы как бы приняли своеобразный вызов, сопряженный с этим вторжением поэзии в официальную организацию. Наша задача не была лишена трудностей, но этот вызов соразмерен тому большому значению и той роли, которые должны принадлежать поэзии в раздираемом постоянными противоречиями мире, где борьба за культуру — в ней нет победы — и борьба за свободу — ей нет конца — сливаются воедино. Долговременные последствия этого вторжения могут оказаться весьма значительными, особенно если учесть, что в некоторых частях света наблюдается замечательное возрождение поэтических фестивалей, объясняемое, по-видимому, крушением столь многих культурных, религиозных и политических ценностей, казавшихся незыблемыми.

Идея была достаточно проста и вместе с тем воодушевляющая: поскольку ЮНЕСКО по самой своей сути является организацией наднациональной, то с ее подмоштов могут прозвучать голоса поэтов, не скованных никакими официальными или неофициальными ограничениями. Мы хотели предоставить поэтам возможность высказаться открыто, со свойственным им воодушевлением, страстью и непримиримостью. Мы также позаботились о том, чтобы эти выступления прозвучали в достаточно престижной обстановке.

Впервые так много крупнейших поэтов, представляющих разные культуры всего мира, — их выбор диктовался исключительно мерой их таланта — собрались ради столь важного мероприятия и в такой обстановке. Голоса даже самых выдающихся поэтов нашего времени редко можно слышать вне тех узких кругов, где замыкается творческая и провидческая мысль. Это в равной степени относится как к промышленно развитым, так и к развивающимся странам. Прежние общественные группировки, где имело большой вес слово шамана или пророка, фактически прекратили существование.

Приглашенные на этот вечер выступали в личном качестве, а не как представители государств, этнических групп, политических партий, религий, племен или классов. Мир поэзии шире стремлений того или иного гражданина, который к тому же зачастую может быть вовлечен в разные общественные деяния. Поэт — существо, к которому не подходят обычные мерки, — это создатель языка, дерзающий думать недуманное и говорить несказанное. Каждое стихотворение начинается с преодоления препятствий, преград и разобщенности, повергающих большинст-

ЖАН-ЖАК ЛЕБЕЛЬ — французский писатель, режиссер театра и кино, автор нескольких книг: «Поэзия и поколение битников», «Событие», «Любовь и деньги». Он является также организатором международного Полифонического фестиваля. По поручению ЮНЕСКО он организовал выступления поэтов под девизом «Война войне», которые прошли в Париже, в штаб-квартире ЮНЕСКО.

во людей в отчаяние и связывающих им язык. В этом случае поэты противопоставляют свое творческое видение запрограммированным убийствам и запланированным катастрофам, которые милитаристские футурологи и транснациональные фабриканты смерти стремятся обрушить на все народы.

В сущности, поэзия не должна эпатировать публику в организации, которая ставит целью покончить с засильем бескультурия и невежества. По меньшей мере следует ожидать, что структурный кризис, потрясающий культурную и экономическую жизнь многих наций, перевернет некоторые старые представления. Выживанию человечества угрожают не те, кто ищет самовыражения в поэзии, а те, кто говорит языком войны. Не будет преувеличением сказать, что поэзия может привести (хотя бы только в порядке эксперимента, на ограниченное время) «воображение к власти». Если поэзия по-прежнему находит себе место в самой гуще проблем, стоящих перед обществом, это потому, что другие формы выражения — научные, политические, религиозные, административные — системы веры, восприятия и выражения пока еще не исчерпали все возможности для осмысления нынешнего глобального кризиса.

Между тем поэзия использует этот кризис как исходный материал, она отстаивает свое право на существование, отвергая установившиеся идеи, напыщенные разглагольствования, догматические выступления, диктат, путаницу и сумятицу, вносимые многими средствами массовой информации, и широкое распространение культурной посредственности аудиовизуальными средствами. Поэзия вырывается за рамки общепринятых в индустриальном обществе норм и обычаев, она прокладывает путь развитию несокрушимого и самостоятельного духа. Благодаря поэтическому труду привычные слова и язык обретают новый смысл, помогая личности обрести свою индивидуальность — роль поистине неоценимая в век массовости и автоматизации. Да, в ядерный век, точно так же, как и в античные времена, на Западе и на Востоке, в Африке и в обеих Америках, Северной и Южной, существует самостоятельность мышления. Именно в этом цели современной прогрессивной поэзии и цели ЮНЕСКО существенно не расходятся.

Мы выражаем признательность Генеральному директору ЮНЕСКО Амаду-Махтару М'Боу за его теплую поддержку нашей инициативы и за предоставленную многим столь различным поэтам возможность единогласно объявить войну войне, противопоставить идеи гуманизма военной агрессии, чем бы она ни была вызвана и каким предлогом ни прикрывалась бы. Возможно, наш поэтический форум побудит всех тех, кто любит мир, во всех странах объединить свои силы для борьбы с преступной логикой убийц. Возможно также, что он будет благоприятствовать процессу осознания и размышлений, являющемуся основой поэтического труда.

Знаю тебя...

Знаю тебя Злодейство мне ведом твой образ
Я различаю пустыни твоей безграничность
Там вздыблено ужасом завтра мое там щеки мои
Запятнаны кровью убиенного неба
Оттиском рук моих

Это я буква за буквой пишу и твой лик
взвигается пламенем
Я крик выжимаю из каждой бесстрастной буквы
Приемлю вас ворон и рысь!

Объемлю вас мертвые
Вы своим пробуждением воскресите гиблущую землю
Когда воплотитесь вновь в муравьев ли
в книги ли!

Я приду вас омыть
Моим завтра моим вчера
Ибо я верен себе
С вами бок о бок
Образы ваши творю!

Адонис

Вера

Все люди, имеем мы каждый свое
заветное и дорогое,
Что можно дыханием нашим назвать,
биением трепетным жизни.
На счастье, а может, на горе себе —
кто знает об этом заране? —
На что-то вседневно надеемся мы,
чего-то всегда ожидаем.
В пустыне звенят и звенят бубенцы
в хвосте, в голове каравана;
Губительно пенье зовущих сирен
в суровой дали океана.
А улица — вся, от конца до конца,
наполнена ревом моторов...
Во всем этом, верю, не может не быть
какого-то высшего смысла.
Где рай? Полагаю, нет вовсе его
иль он — достоянье немногих.
Но мы — не избранныки, бедные мы
земные созданья, не больше...
И нет за душою у нас ничего,
одна неизменная вера,
Которая, в наших сердцах укрепясь,
тоскует в них и томится.
Но вера сама не спокойна, и нас
она без конца будоражит,
То вдруг увлекает куда-то вперед,
то тянет за чем-то в погоню.
Но как ни торопимся, как ни бежим,
а цели не достигаем.
Мы все протестуем против войны,
иначе и быть не может:
Приходится нам проливать свою кровь
на жертвенниках постоянных.
И мы умоляем: да будет конец
ужасным голодным пыткам!..
От голода гибнут люди у нас,
людей таких — миллионы.
Народы друг с другом идут воевать,
и класс встает против класса.
Две разных религии, в битве сойдясь,
одна другую растопчут.
Чей промысел злобный лишает нас
силы, крепости, воли?..
А что, если нам воедино собрать
всю нашу прекрасную веру,
Горою сложить да скорее поджечь,
устроить костер небывалый
И вытолкнуть вверх с языками огня
вселенную нового толка.
Багровым подобная облакам,
она в небеса устремится.
И цепь бесконечных фантазий тогда
внезапной реальностью станет,
А облако-заревое там, в небесах,
засветится истинным раем.

Ай Цин

Жизнь в земле

Блаженны дети Димбазы,
Уэлкам Вэлли, Лаймхилла и Стинкватера,
мрущие

от голода, нищеты, болезней —
потому что они ублажают взор бааса,
потому что они избежали ада,
потому что они освободили территорию Бура
— Бура и его бога —
— Божьей десницы, —
потому что они удешевили жизнь,
потому что жизнь для черного есть политическое
преступление,
потому что ты, черный, проживая
в стране крови,
пропуска, позора, пса,
оскверняешь землю Бура.

Блаженны дети Димбазы,
Уэлкам Вэлли, Лаймхилла и Стинкватера,
затерянные

в могилах, где пируют муравьи,
блаженны ваши последние чернозубые улыбки —
потому что они заставляют родителей
сложить на холмике игрушки и пустые молочные бутылки,
игрушки и глянцевую бумагу, что шелестит на ветру,
молочные бутылки — с пустыми сосцами, — откуда ветер
высасывает звон,
чтобы приманить кротов поближе
— потому что ваша плоть скудна, —
и детишки могут забыть,
что они уже мертвы.

Блаженны мертвецы Димбазы,
Уэлкам Вэлли, Лаймхилла и Стинкватера,
пожранные

землей, потому что, когда они бродят по поверхности,
это мешает донести ложку до рта,
а на солнце не должно быть пятен.
Блаженны кроты, святы черви
и благословенны муравьи
в стране солнечного блеска,
в стране Бура,
в стране, что вручена ему богом,
потому что они удобряют газоны,
так что человек может цвести и преуспевать,
растить плоды и умножать стада
и быть красивым, и сильным, и белым
во славу своего бога.

Брейтен Брейтенбах

Фотографии из газеты «Ла Пренса»

Каждый день в газете «Ла Пренса» печатались фотографии:

парни и девушки, снятые лежа,
веки полупущены, губы полуоткрыты —
будто они смеялись, радуясь жизни.

Парни и девушки из страшного списка...

Иногда у них лица были серьезными
(на фотографиях, снятых для паспорта).

Лица, серьезные не по годам.

Парни и девушки, каждый день пополнявшие
список смерти...

Один из них пошел прогуляться по улице —
потом его тело нашли в зарослях на пустыре.

Другой, выйдя из дома в квартале

«Сан-Худас», спешил на работу —
больше он домой не вернулся.

Третий отправился в лавочку на углу
за кока-колой.

Четвертый шел на свидание к подружке.

Пятого выволокли из дома

и посадили в армейский «джип»,
который бесследно растаял в ночи...

Трупы их потом находили в море,
или в кювете шоссе — в горах, близ

Куэста-дель-Пломо,
или на свалке.

Трупы с переломанными руками,
выколотыми глазами, вырванным языком...

Некоторых не обнаружили до сих пор —
тех, кто был схвачен патрулями Черного Зверя
и Львиной Пасти,

тех, чьи тела бросали в кучу у озера,
на задворках театра «Дарио».

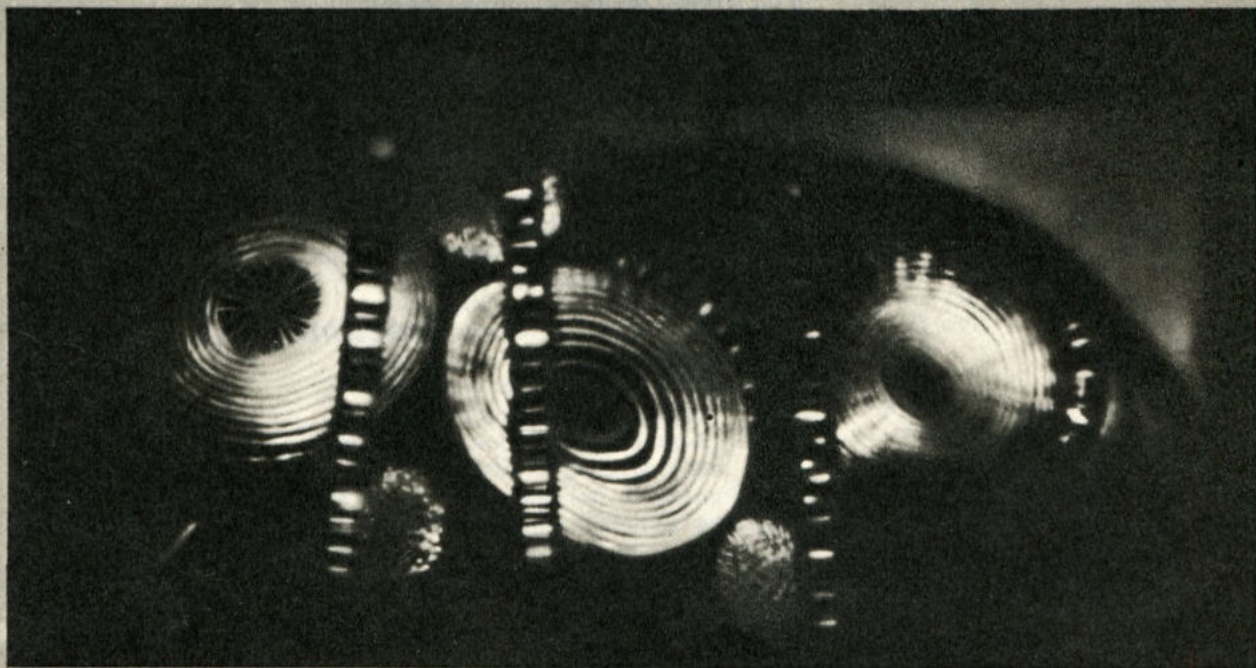
Единственное, что осталось у матерей, —
плоские, глянцевые улыбки, черно-белые лица.
Образ, запечатленный в сердце и на фотобумаге,
воспроизведенный в газете «Ла Пренса».

...Паренек со взлохмаченными волосами.

Мальчик со взглядом испуганного оленя.

И другой, улыбающийся, хитро сощулив глаз.

Грустная, задумчивая девушка.

«Лестница и звездам», композиция Фрэнка Малины (США).

Photo J.-C. Bernath — Unesco

Фотографии в профиль, анфас и «три четверти»...
 Кудри. Локоны. Челки. Вихры.
 Берегты. Рубашки с распнутом воротом...
 Парень, ухмыляющийся в усы (как видно, он ими очень гордился).
 Молодой человек в элегантном галстуке (фотография с выпускного бала).
 Девушка, пытающаяся рассмеяться (а у самой нахмурены брови).
 Еще одна девушка (снимок из бумажника жениха).
 Юноша в горделивой позе (карточка, которую он хотел подарить невесте)...

Каждому из них — 20, 22, 18, 17 или 15 лет.

Их убили только за то, что они были молоды:

быть молодым в Никарагуа запрещалось законом.

Мы боялись, что страна останется без молодежи.

Позже, уже после победы, порой я вздрагивал,

когда на каком-нибудь митинге со мной

здоровался юноша или подросток:

«Неужели ему удалось спастись?»

Как мы боялись за наших ребят!

Знали ли вы, павшие от рук палачей, что древние греки

считали умерших в юности возлюбленными богов —

потому что они навсегда оставались молодыми, —

такими, какими были в час своей смерти,

с гладкой кожей и пышной прической —

в памяти тех, кто, старея, прожил долгую жизнь?

(Римлянка, умершая светловолосой, светловолосой будет навеки...)

Вы, убитые, тоже останетесь юными,

но не потому, что юными вы сохранитесь

в недолговечной памяти тех, кто вскоре тоже умрет.

Нет, вы навеки останетесь молодыми,

потому что в стране моей будет всегда молодежь,

потому что, помня о вашей ужасной смерти,

молодежь Никарагуа будет вечно верна революции.

Вы возродитесь в юных сердцах, обретая новую жизнь,

словно новые зори, встающие каждое утро.

Эрнесто Карденаль

Перевод члена Союза журналистов СССР
 В. Е. Резниченко

Poem © Ernesto Cardenal

«Прометей, несущий огонь людям», работа художника Тамайо [Мексика].

Photo Volta — Unesco

Произведение Луве Ку — выжигание на коже — изображает сцены повседневной жизни, священных животных и маски [Верхняя Вольта].

Photo R. Lesage — Unesco

Накопление

Накопление останков деревьев
в мерзлотной земле,
Накопление останков животных
в ракетном горючем,
Накопление обработанных десикантами растений
в мертвом корне гниющего зуба,
Накопление — как в роце сосновой —
в черепной коробке
дефолиантов,
Накопление фреона
в облачке распадающейся плоти,
Накопление едчайших кислот
и «оранжевого вещества»,
сшибающих с ног, как удар копытом, —
И сверх всего —

антитела в непосильной схватке,
избыток вакцин в разъеденных венах,
перекрестная вирусная инфекция,
бензиновые — до самых звезд — испаренья,
удушливый газ милитаристских бредней,
ослепительная радиация кошмаров, —

Смотрите!

одно накопление громоздится на другое,
пока не наступит космический взрыв,
полный распад, исчезновение всего сущего.

Ноль. Пустота.

Нарастающий рев.

Реальность, опаленная атомным пламенем.

Мир, облаченный в штаны, что пошила наука,

Трубно вспухает — студенистая масса,

вздрагивающая под кашлем ветров.

Вы забились в убежище в надежде пережить

Это последнее накопление

братских могил —

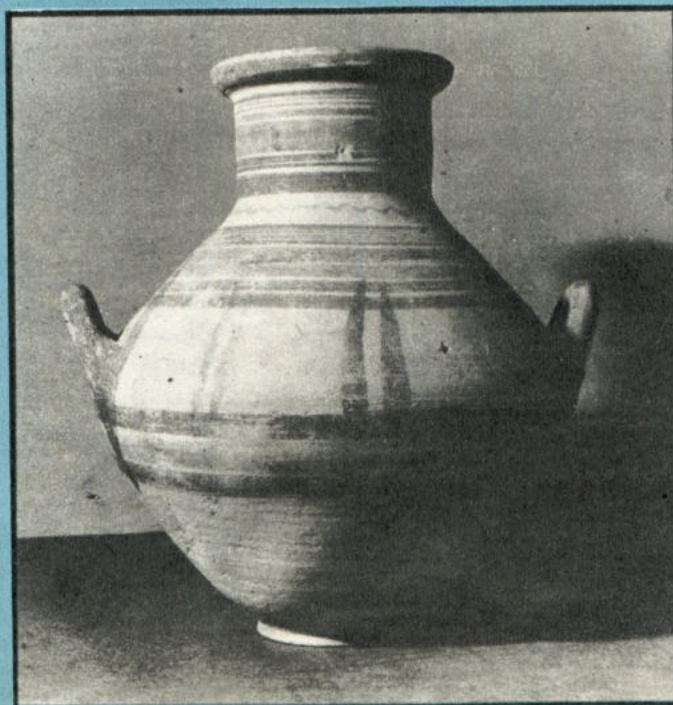
но скажите,

Долго ли можно протянуть

с отравленной печенью

среди расщепленья всеобщего

на канцерогенной планете?

Ваза 8 в. до н. э.
[Кипр].

Photo Unesco

«Барашек», каллиграфия
Маси Сюнсо [Япония].

Photo J.-C. Bernath — Unesco

Слова — как рубцы шрамов,
стихи — в немоте хромосомной.
Долго ли можно, скажите, протянуть
в накоплении убийственного зловонья?

Слушайте!

Я представляю себе, как тактические ракеты
врезаются в зобы Солнца,
Как самонаводящиеся снаряды,
с шипением и свистом змеиным,
пронзают глубины бесцветных небес,
представляю себе, как по хрупкому лику Луны
разбрызгивается горящий фосфор, —
и вспоминаю об ужасе, что излучают
ядерные боеголовки крылатых ракет,
о яйцах лжи, что откладывают
средства массовой информации,
о ядах, накапливающихся в потоках крови,
о ломе костей позвоночных
на полиуретановых ложах, —
Все это накопление я вижу, —
и сама собой проясняется моя цель:
я — за сохранение жизни,
за революционные перемены,
прежде чем удушье нам стиснет горло,
паника стиснет горло,
равнодушие стиснет горло, —
пока еще все это накопление
не взорвалось повсемирно.

Джейн Кортес

Poem © Jayne Cortez

Перевод члена Союза писателей СССР
А. Ш. Ибрагимова

Терракотовая табличка периода правления Ишби-Ирра [2017—1985 гг. до н. э.], основателя династии Исин [Ирак].

Photo Dominique Roger — Unesco

Пытка

сообщения о событиях истекшего дня
меня атакуют терзают и хлещут
где-то немыслимо далеко кого-то пытаются бьют и калечат
даже мои соседи в опасности даже те
кто сделан вроде бы из железа не в силах вынести
когда трещат по швам основы всех основ

я глаз не в силах отвести от расплзающихся швов
и вижу: вблизи или вдали день пеленают в саван
и слыша о чужих страданиях пытаюсь боль побороть
я не убавлю громкости в наушниках пусть мечется эхо ударов
выслушиваю все сообщения о нависшей угрозе и гнете
обо всем что творится в горящих точках планеты

до меня доносится голос истерзанного гонца
оттуда где рушатся первоосновы
и где по ветру разметало обломки мироздания
где после всех дневных происшествий упраздняется ночь
где на нее градом обрушиваются удары
и ты наконец затыкаешь уши — невыносимо!

мы ждем новостей что поступают из-за пределов терпенья
и услышав их вникаем в суть
пусть вонзаются в нашу плоть
я нежно пальцем коснусь измятых кромок мироздания
и пусть меня еще удерживает ночь я устремляюсь в день
туда где ждут повергнутые в прах и те кому грозит беда

если кто-то обречен и положение его безнадежно
ты обязан услышать его позывные
посылаемые весь день и всю ночь напролет
атакуемый мучительнейшими сообщениями
я осторожно пытаюсь свести и приладить друг к другу
кровоточащие обломки

вот мой отклик на услышанные сообщения
невзирая ни на какие угрозы
я попытаюсь лишь крепче стянуть швы на зияющих ранах
отныне я смогу спокойно взирать на страдания
зная что порожденная боль
станет трамплином в завтрашний день

Поem © Jean-Pierre Faye

Жан-Пьер Фай

Гобелен «Ндаанаан», работа Моду Ньянга (Сенегал).

Photo J.-C. Bernath — Unesco

Ода Плутонию

(отрывок)

О, ядерная Немезида, с момента своего появления
сеющая черное безъязыкое разочарование,
Оглашаю твоё крестинное слово по истеченьи четырех миллиардов лет,
Вижу твоё зарожденье в Земной Ночи, славлю твоё
ужасающее присутствие, величественное, как седмица;
Саваоф, Йегова, Астафей, Адонай, Элохим, Иао, Иалдаваоф,
Вечность, рожденная Вечностью
в бездне сиянья.
Мысли Софьи возносятся к задумчивым галактикам,
к заводам звездного света, серебристого, как волосы Эйнштейна.
Отец Уитмэн, я восславляю материю, что дарует забвенье
нашему «я».
О, Великий Элемент, испепеляющий моления рук, что в кляксах
чернильных, и книг
и вдохновенного бессмертья древних ораторов.
Громко слагаю песнь о тебе — да вознесется в небо
над тишиною заводов
в Хэнфорде, Бёрлингтоне и Альбукерке,
Пусть неустанно грохочет над Вашингтоном, Южной Каролиной,
Колорадо, Техасом, Айовой, Нью-Мексико —
Везде, где атомные реакторы создают нечто-еще-не-бывалое,
где военные заводы Рокуэлла
фабрикуют смертоносное это вещество.
Сайлас Мейсон собирает свое оружие
втайне, десятками тысяч; могильник в горе Манзано
будет сотнями тысяч лет хранить продукты распада,
пока наша Галактика вращается вокруг своего
баснословного центра.
Мысленно я обхожу все твои убежища,
в голосе моем слабom —
отголоски твоего Львиного Рыка.
Над серыми Альпами медленно плывет
тяжелая металлическая пыль, —
ничтожная доля достаточна для одного легкого,
безгранично просторна наша планета — неужели вспышка
твоего сиянья, Плутоний,
принесет разрушенье и смерть всему, что живет и дышит?
Не знаю, внедришься ли ты в мое тело, но мой дух
проникает в тебя, непомерная тяжесть.
О, Элемент пробужденный, я раскрываю твою подоплеку, тайную суть,
Пою тщеславье твоё неумное, о чудовище злобное, рожденное в страхе.

Деталь гобелена «Знаки Кадма» работы
Арефа Райеса (Ливан).

Photo Unesco

Ты самое тупоумное из всех веществ, искусственно
созданных человеком, самозванец в империи металлов!..
О, погубитель лживых ученых! Пожиратель честолюбивых генералов,
испепелитель армий, плавильный тигель войн!
Судный день, небесный ветер над жестоким противостояньем народов,
головная боль президентов, гнусный позор политики Капитала,
Опрометчивая предприимчивость Цивилизации!
О, Раковая опухоль, угрожающая всем образованным и невежественным,
демон, творенье ума людей, овеянная черная магия!
Я бросаю тебе вызов, оспариваю само твое право на существование,
разоблачаю твою тайную суть!
Я обращаю Колесо разума к тремстам накопленным тоннам! Имя твое
звучит в ушах человечества! Я вбираю твою бесконечную мощь!
Мои стихи начинают штурм хваленной твоей твердыни, дыханьем своим
разгоняю страхи, твоим хвастовством порожденные. Я воспеваю
твой облик, скрытый железобетонными стенами, каучуковыми
и прозрачными силиконовыми щитами, отзвуки голоса моего —
в радиационных боксах, в камерах безвоздушных.
Отметая страх, я вхожу в подземные твои хранилища в оболочках свинцовых.
О, сверхплотный Элемент! Мой невесомый гимн проламывает железные двери,
ведущие в адское твое обиталище.
Над ужасающей вибрацией твоей реет размеренная гармония,
ликующая мелодия в медово-сладких тонах.
Я рассыпаю свои слова по бетонному полу, как семенами ячменя засеваю
реактор.
Имя твое выкликаю одними гласными, воспеваю грядущую участь твою,
дыханье мое, отгоняющее смерть, —
Как заговор от грозящей беды, я возлагаю пророческие эти стихи
на твой мавзолей, где ты будешь покоиться вечно,
и запечатываю тебя
на веки веков
печатью алмазно сверкающей Правды.
Ты обречен, Плутоний!

Поэм © Allen Ginsberg
Перевод члена
Союза писателей СССР
А. Ш. Ибрагимова

Аллен Гинзберг

Сакральный каменный
барельеф, изображаю-
щий фракийского всад-
ника, II в. н. э. (Болга-
рия).

Photo J.-C. Bernath — Unesco

Проститься с гормонами

Ты из праха
Глаза из праха
Навеки в Солнце вперил

Скалишь зубы из праха
В порханье пылинок пороха
Запорошена прахом улыбки
Кожа из праха —
К Луне — облезлой рекламе
Расизма
Ты взмыл ракетой «Аполло»
Созданной в бешенстве
ярости
и гордыне.

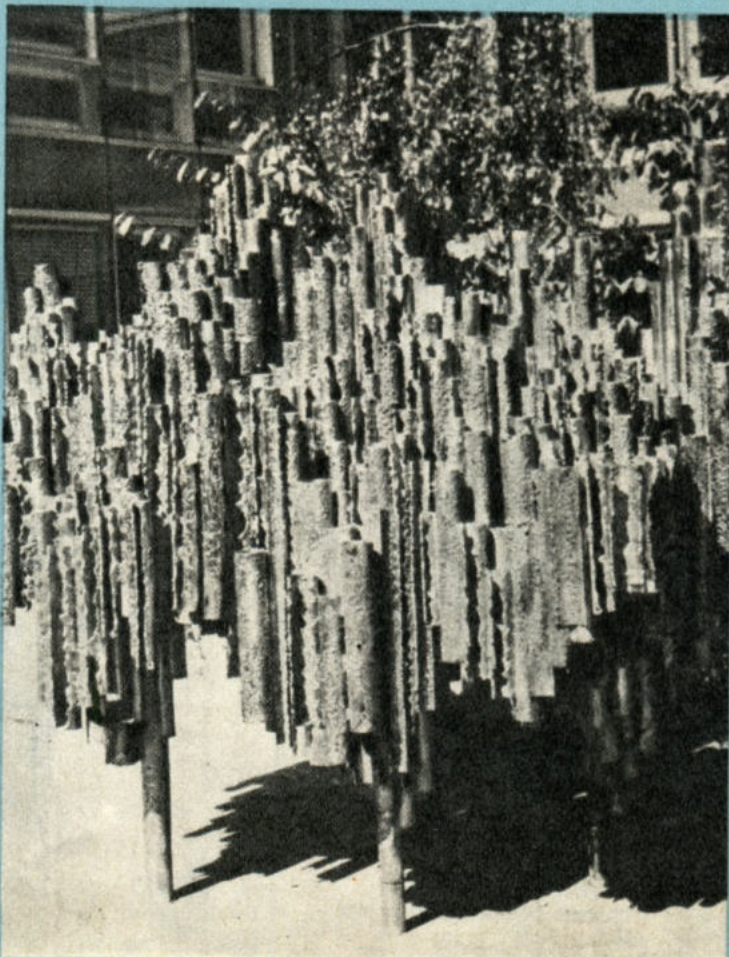
Под хохот оглохшего мира
Прахом падет позор
На тебя на вас и потомков ваших
Мешаясь с порохом
И пудрой вашей культуры
Падет на бесстыдство машин
И на ваш геркулесов подвиг:
Сотворить ужас ужасов
И умереть
Прикованными к конвейеру
А умереть означает теперь что в смерти всеобщей
Не успеешь за доли мгновенья
Проститься с гормонами.

Поem © Sony Labou Tan'si

Сони Лабу Танси

Скульптурная композиция
из металла, работа Эйлы
Хилтунем, посвященная
композитору Сибелиусу
[Финляндия].

Photo Dominique Roger — Unesco

Декларация

- Пункт 1. Настоящим постановляется:
отныне торжествует правда.
И все люди, рука в руке, устремятся
к прекрасной и честной жизни.
- Пункт 2. Постановляется, чтобы все дни недели,
даже самые невзрачные из невзрачайших буден,
обрели право именоваться воскресным утром.
- Пункт 3. Постановляется, чтобы с этой минуты
в каждом окне сияли подсолнухи,
и каждый подсолнух мог раскрывать лепестки
даже в тени, а все окна распланулись
навстречу свежим газонам,
где будет произрастать надежда.
- Пункт 4. Постановляется:
ни один человек впредь
не усомнится в друге,
любой человек может вверить судьбу другому,
как пальма вверяет себя ветрам,
как ветер вверяет себя атмосфере,
как воздух вверяет себя голубым небесам.
- Особое дополнение: Долг человека относиться к человеку
с детской доверчивостью.
- Пункт 5. Постановляется:
люди скинут с себя ярмо лжи,
не будут прикрываться
щитом молчанья
и кольчугой ничего не значащих слов.
Так во время застолья гость
с простодушно доверчивым взглядом
бывает уверен, что истину ему подадут
еще до конца трапезы.
- Пункт 6. Предписывается: в течение десяти веков
свершится прорицанье пророка Исаяи:
волк и ягненок будут рядом щипать
сладкую траву зари.
- Пункт 7. Окончательно провозглашается сим документом:
отныне наступит вечное царство
добра, справедливости, света.
Знамя радости осенит весь человеческий род.

Poem © Thiago de Mello

«Петух», 1978, работа
Мариано Родригеса (Ку-
ба).

Photo J.-C. Bernath — Unesco

- Пункт 8. *Постановляется: наивысшее предназначенье человека — любить, преодолевая бессилье своей любви, и помнить всечасно, что только воде дано чудо расцвета творить.*
- Пункт 9. *Считается допустимым, чтобы хлеб наш насущный содержал в себе сладкий привкус повседневных тяжких трудов, и пусть этот хлеб источает аромат и тепло добрых рук и отзывчивых, нежных сердец.*
- Пункт 10. *Согласовано: больше не имеет значенья, кто и по какому поводу пожелает облачиться в белоснежные одеянья.*
- Пункт 11. *Декретировано: человек — существо любящее, и потому он прекрасен, прекрасней лучистых предутренних звезд.*
- Пункт 12. *Постановлено: отныне нет никаких запретов, каждый волен делать что хочет, хоть играть в чехарду с носорогом, хоть разгуливать средь бела дня с пышным бутоном бегонии в петлице.*
- Особое дополнение: *На одно лишь строжайший запрет — на безлюбовную любовь.*
- Пункт 13. *Настоящим отменяется власть денег. Больше никто не сможет скупить за бесценок солнечный свет грядущих дней. Деньги — не оружие, ввергающее в страх, они — меч всеобщего братства, этим мечом мы отстоим свое право петь и устраивать празднества в честь новорожденного дня.*
- Заключительный пункт: *Слово «свобода» выкинуто за ненужностью из всех словарей, из вероломных запасников речи, ибо свобода — непререкаемая суть, неотъемлемая часть человеческих судеб и душ, подобно огню, иль необузданному потоку, иль семени злака.*

Тиаго де Мелло

«Диана-охотница», мозаика из древнеримского города Тисдруса (ныне Эль-Джем в Тунисе), II в. н. э. [Тунис].

Photo R. Lesage — Unesco

Статуя Фти Мхи (V династия, 2400 г. до н. э.), найденная при раскопках пирамид в Гизе.

Кхмерская статуя конца XII — начала XIII в. (Кампучия).

Photos Dominique Roger — Unesco

«Плачущая женщина», работа художника Гуаясамина [Эквадор].

Photo Unesco

Мой адрес

нынче я уничтожила номер своего дома
и название улицы, на которой живу.
я спутала указатели всех дорог.
и если теперь я понадобится вам,
стучитесь в любую дверь любого дома
любого города земли.
таков мой завет, мое проклятье, благословенье:
где вам удастся найти свободу —
там и мой дом.

Амрита Притам

Poem © Amrita Pritam

Футболист

Он — футболист.
Что ни день, он гоняет свой мяч.
И вот однажды
Он запульнул в небеса любовь,
И она там застряла,
Она не упала на землю.
А люди смотрели и думали: это, наверно,
Солнце, а может, Луна иль новоявленная звезда.

Внутри меня мяч —
Ему не упасть никогда,
Частицей взвеси повис он в зените.
Видишь, он уже пламенеет,
В любовь превращается он,
Принимает обличье звезды.

Кадзуко Сираиси

Poem©Kazuko Shiraishi and Shichosha Publishing Co.

Гойя

Я — Гойя!
Глазницы воронок мне выклевал враг,
слетая на поле нагое.

Я — Горе.

Я — голос
войны, городов головы
на снегу сорок первого года,

Я — голод.

Я горло
повешенной бабы, чье тело, как колокол,
было над площадью голой...

Я — Гойя!

О, грозди
возмездья! Взвил залпом на Запад —
я пепел незваного гостя!

И в мемориальное небо вбил крепкие звезды —
как гвозди.

Я — Гойя.

Андрей Вознесенский

Стихотворение © Андрей Вознесенский

Мировая поэзия до и после Хиросимы

Стефен Спендер

«Поэты поклоняются руинам», — так писал Оден, и это следует всегда помнить, пытаюсь определить отношение поэтов к войне.

Отношение поэтов к войне в разные исторические эпохи было различным. Война является темой большинства эпических поэм и многих поэтических драм, включая и шекспировские исторические пьесы, и «Троила и Крессида». В последней, однако, древнегреческие войны выглядят слабоумными, а война — бессмысленным буйством. С другой стороны, в исторических пьесах, проникнутых духом высокого патриотизма, война изображается как апофеоз преданности отечеству, а воины обычно мужественными героями.

Раньше, вплоть до первой мировой войны, ратные подвиги обладали большой притягательной силой для поэтов. Еще Вергилий начинает «Энеиду» словами: «Агма virgum-que сапо» («Битвы и мужа пою...»), связывая воедино понятия мужественности и воинской доблести, как будто мужчина обретает истинную мужественность лишь на войне. Поэты, как правило, использовали изображение войны как средство проникновения в суть персонажа.

Почему тема войны привлекала поэтов? Да потому, что существование в условиях войны сведено к самым элементарным закономерностям. Человек стоит перед альтернативой жизни и смерти, ощущает себя изолированным и в то же время принадлежащим к некой общности, его вдохновляет цель, ради которой стоит пожертвовать жизнью, — товарищество, братство. Война представляет собой жестокое испытание, проходя через которое мужчина познает правду о себе, которую в мирное время, может быть, так и не узнал бы никогда, — смел он или труслив, достаточно ли выносил физически и духовно.

Поэты со своей поэтической, а не общепринятой точки зрения видят жизнь в ее крайних реальных проявлениях. Большинство людей обычно не задумывается над тем, что выходит за рамки житейских интересов. Они живут сегодняшним днем, отдаваясь повседневным заботам и занимаясь «мирскими делами», в общем-то однообразным трудом, не затрагивая крайних реальных проявлений человеческого существования.

Война же ставит каждого, или почти каждого, лицом к лицу со смертью. Она ломает барьеры между поэтом и публикой, между поэзией и рутинной жизнью: если во времена мира и материального благополучия он, возможно, пишет о том, что чуждо большинству людей, то во время войны он говорит о героизме, разрушениях, вере, священной цели, религиозных мотивах, сплоченности че-

ловечества в беде, и тогда в его стихах люди узнают самих себя и свои судьбы. Во время войны люди постигают суть самой жизни, подобно умирающему на поле брани князю Андрею в эпосе Толстого «Война и мир». Война, кроме того, обостряет сознание национальной общности. В «Энеиде» воины живут и умирают с мечтой о славе Рима, а их предводитель Эней являет собой образец воинских и гражданских добродетелей.

Однако как ни часто поэты прошлого прославляли военную доблесть и пытались опозитизировать войну, она в конечном счете всегда была им ненавистна. Они не могли не видеть, что война несет с собой ужасные людские страдания, неоправданную жестокость, разрушение семей, дружеских связей, попрание достижений цивилизации — всего того, на чем зиждется искусство. Цивилизация нуждается в мире, а война в конце концов ведет к варварству. Троя в финале «Илиады» представляет собой лишь груды пепла и праха. В шекспировском «Генрихе VI» есть ужасная сцена междоусобной войны: на поле битвы один из воинов узнает в только что убитом враге собственного сына. Созвучную сцену мы находим у выдающегося английского поэта времен первой мировой войны Уилфреда Оуэнса в его поэме «Странная встреча»: два солдата, одновременно убитых в одном и том же бою, встречаются по ту сторону жизни и вступают в беседу, в заключение один говорит другому: «Я и есть тот самый враг, которого ты убил, друг мой».

В прошлом поэты всегда колебались между прославлением войны, которая как бы ставит все на свои места, и резким неприятием грубости, мародерства, потерь, горя, опустошений, разрухи и коррупции, которые она несет. Во время первой мировой войны поэты быстро перешли от восприятия войны как пробуждения от свинцово-тяжелой мешанской летаргии конца XIX столетия с его ценностями научного и индустриального «прогресса» к фазе ужаса и отвращения при виде массовой бойни и разрушений и унылого однообразия сражений.

В 1914 году в Германии Рильке, один из наименее милитаристски настроенных поэтов, воспринял войну как великое восстание священной жизни против материалистического века. А в Англии Руперт Брук расценил войну как своеобразное очищение от морального декаданса начала XX столетия. В своих сонетах, написанных в начале войны, он изобразил молодых англичан, которым не терпелось отдать свои жизни за свою страну, «пловцами, бросающимися в море очищения».

Но колоссальные масштабы разрушения быстро отрезвили поэтов. Уже в 1916 году двое самых популярных английских поэтов, воевавших в окопах — Уилфред Оуэн и Зигфрид Сэссун, — написали поэмы, в которых отобрали ужас, разрушения и страдания, порожденные войной, и разоблачили бесчеловечность военной машины, подминающей под себя солдат на Западном фронте, подлость политических лидеров сражающихся стран, их нежелание предотвратить бессмысленное кровопролитие,

СТЕФЕН СПЕНДЕР — известный английский поэт, впервые завоевавший признание в 30-х годах, будучи членом литературной группировки, куда также входил его друг У.-Г. Оден. Является автором критических статей, пьес, художественных переводов и автобиографического произведения «Мир в мире» (1951). Последняя его книга «30-е и последующие годы: поэзия, политика, народ» вышла в 1978 г.

возмутительное безразличие престарелых и штатских в тылу, благодушно допускающих гибель молодых солдат.

Эти поэты делили англичан на героев — жертв, то есть фронтовиков, и на тех, кто остался в тылу и не желал осознавать весь ужас происходящего. Более того, они в качестве жертв воспринимали не только английских, но и французских и немецких солдат. Истинными своими врагами они считали милитаристов, политиканов и фабрикантов оружия всех враждующих стран. Приехав в отпуск домой, Сэссун, Оуэн и другие подобные им офицеры-фронтовики обнаружили, что им стали ненавистны их соотечественники в тылу. Англию они больше не могли воспринимать как дом родной. Домом для них стал Западный фронт, где их ждали братья по оружию. Они возненавидели войну, стали пацифистами, но, поскольку битва продолжалась, им пришлось, несмотря на их пацифизм, вернуться в ряды бойцов и переносить ужасы войны вместе со своими друзьями-солдатами.

Из этого можно заключить, что, невзирая на все свое неприятие войны, поэты прониклись сознанием нравственного превосходства сражающихся солдат — будь то англичане, французы или немцы — над теми, кто не воюет. Не является ли это свидетельством еще сохранившегося убеждения, что война раскрывает добродетель в участвующих в ней людях? По Уилфриду Оуэну, каждый солдат был Христом.

Английские военные поэты закрепились на этой позиции, сделали ее своего рода поэтической догмой, и так продолжалось вплоть до второй мировой войны, в которой приняли участие многие поэты. Они испытали отвращение к этой кровавой бойне, но были преисполнены чувством товарищества, готовые разделять муки других солдат.

Антифашизм — тот факт, что они сражались на стороне демократии в защиту свободы личности против гитлеризма, — возможно, прояснил их позицию, но не вполне. Антифашистские стихи, скорее, создавались поэтами Сопротивления, такими, например, как Арагон и Элюар во Франции.

Хиросима все изменила. С лета 1945 года солдатская пацифистская поэзия перестала существовать в ее былых формах. Война приобрела резкий античеловечный характер. Сегодняшняя антивоенная поэзия скорее направлена против засилия бесчеловечной техники, способной стереть с лица земли целые города, страны, а возможно, и уничтожить весь наш привычный мир; она говорит о почти

полной беззащитности человеческого существа перед всеуничтожающей силой его собственных изобретений. В будущей войне не будет героев, не будет чувства солдатской солидарности, а будет лишь одно — мгновенное и всеобщее уничтожение. Ядерная война чревата истреблением всех ценностей цивилизации, всего человечества и вообще всего живого на планете.

Поэтов, которые пишут об этом, можно приблизительно разделить на две основные группы. К первой относятся те, кто пытается в своих стихах создать метафорические картины разрушения, наподобие того как это делает Джейн Кортес в своем стихотворении «Накопление»:

*Накопление останков деревьев
в мерзлотной земле,
Накопление останков животных
в ракетном горючем...*

В этом произведении поэтесса умело создает яркий, зримый образ бесчеловечности, находит впечатляющие метафоры для изображения сил ядерного разрушения. Однако, когда в заключительной части стихотворения Кортес заявляет:

*Все это накопление я вижу, —
и сама собой проясняется моя цель:
Я — за сохранение жизни,
за революционные перемены... —*

то это звучит недостаточно убедительно. Она нашла великолепные образы для разоблачения бесчеловечности технического прогресса в создании орудий разрушения, сумела убедить нас, что, «сохраняя жизнь», мы вполне еще можем спасти мир; что же касается «революционных перемен», то эти слова несут здесь всего лишь неконкретный патетический смысл. С другой стороны, что еще мы можем противопоставить антигуманной технократии, кроме человеколюбия и самоотверженной защиты жизни?

Именно таково прекрасное, тонкое стихотворение Кадзуко Сираиси «Футболист» и провозглашающие веру в человечество строки Ферлингетти:

*...и я ожидаю
вечно и всегда
возрождения чуда...*

Остается только добавить, что антивоенная поэзия направлена не только против войны. Она выражает протест жизни против распространения разрушительной техники.

Photo Unesco

ОДНОЗВУЧНЫ С ИМЕНЕМ БЕЛОРУССИИ

КУПАЛА И КОЛАС, ПЕВЦЫ СВОБОДЫ

Максим Танк

Сто лет назад родились Янка Купала и Якуб Колас — классики белорусской литературы, родоначальники ее нового направления. Их творчество началось в разгар русской революции 1905—1907 гг., когда впервые зашаталась феодально-монархическая устои царской России и населявшие ее народы обрели надежду на демократические свободы. Янка Купала и Якуб Колас почти одновременно напечатали свои первые стихотворения.

От имени простого крестьянина Белоруссии, которую называли «забытым богом краем» в силу экономической и социальной отсталости, беспправия и нищеты народных масс, высказали они то главное, что волновало в ту пору всех людей труда, искало, требовало выражения: ненависть к эксплуататорам, накопившиеся за многие годы протест и гнев, стремительно растущее в революционных выступлениях чувство собственного достоинства, могучий и страстный порыв к свободе, равенству, народному счастью.

Трудом я хлеб свой добываю,
Нередко слышу брань и крик
И вовсе отдыха не знаю,
Ведь я мужик, простой мужик!..

Но если жить я долго буду,
Коль будет жизни путь велик,
Вовек я, братья, не забуду,
Что человек я, хоть мужик!

Этим строкам Купалы вторили и стихи Коласа:

Я — мужик, но ум имею, —
Будет время и мое.

Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею

Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

И казалось, обрел голос долго молчавший белорусский народ. В стихах Купалы и Коласа народные низы увидели самих себя, свою повседневную жизнь, свои заботы и страдания. Устами поэтов заговорили те, кто пашет, сеет, жнет, надрывается в непосильном труде, стремясь вырваться из нужды и бесправия.

Все многообразие деревенской жизни (а деревня в дореволюционную пору более всего олицетворяла облик аграрной, отсталой Белоруссии) нашло отражение в стихах, созданных Купалой и Коласом в первое десятилетие их творчества. Вот она, эта тяжелая крестьянская доля: весенняя бескормица, когда «ни зернышка нет», а «кобылка уже еле плетется»; «доля безземельная», плач детей, «худые

женки», работа до изнеможения («в губах язык засох, как кость»; «нам, горемычным, хоть лезь в петлю, — работай в поле — дома плачь»)...

Стихи Купалы и Коласа не просто отражали народное вседневье, но и были проникнуты социальной страстностью, точным и тонким ощущением того, что происходило в крестьянской душе. Оба поэта были тысячами нитей связаны с животрепещущими проблемами своего времени, с поисками правды и справедливости. Поэтому легко понять, сколь нужными оказались они для своего народа в ту пору и какую важную роль сыграли они в становлении и развитии новой белорусской литературы.

Почему новой? Дело в том, что несколько столетий назад белорусский народ имел богатую литературу и большую книжную традицию, начало которой положил в первой четверти XVI в. великий просветитель и гуманист Франциск Скорина. Но затем историческая судьба Белоруссии сложилась так, что на долгое время она оказалась поработенной польскими феодалами-завоевателями. Белорусское печатное слово было запрещено, народные массы подвергались ассимиляции. В конце XVIII в. Белоруссия воссоединилась с Россией, с которой с незапамятных времен была связана исторической, культурной, языковой общностью.

Но еще долго, вплоть до начала XX столетия, белорусские народные массы фактически не имели своего голоса. Купала и Колас наполнили белорусскую литературу передовыми революционными идеями, большим философским содержанием, достигнув в своем творчестве вершин художественного совершенства.

Несмотря на мрачные краски, на сурово показанное беспросветье забитой и подневольной крестьянской жизни, поэзия Купалы и Коласа неслала в себе боевой оптимистический заряд. Она воспламеняла сердца, заставляла мыслить. Такая жизнь, говорила она, подобна смерти, выход — в борьбе.

Настоящим взрывом народного гнева стало стихотворение Янки Купалы «А кто там идет?». «Красноречивой и суровой песней» назвал его Максим Горький, переведя на русский язык:

А кто там идет по болотам и лесам
Огромной такой толпой? —
Белорусы.

А что они несут на худых плечах,
Что подняли они на худых руках? —
Свою кривду.

А куда они несут эту кривду всю,
А кому они несут напоказ свою? —
На свет божий.

А кто же это их — не один миллион —
Кривду несть научил, разбудил их сон? —

Нужда, горе.

А чего ж теперь затотелось им,
Угнетенным века, им, слепым
и глухим? —

Людьми зваться.

В стихотворении необычный ритм — ритм шагов миллионов ног. В оригинальном звучании его слышится топот огромной толпы, которая, тяжело дыша, несет на своих плечах непосильную тяжесть. Грозное требование «людьми зваться» выражало и драматический пафос горьких будней, и историческую обиду народа, надолго лишенного своей независимости, важнейших социальных и национальных прав, и мечту о светлом будущем, и непоколебимую уверенность белорусов, осознавших свое право «людьми зваться». Стихотворение нашло могучий отклик в народных массах, получило распространение в различных уголках царской России. К юбилею классиков подготовлено уникальное издание стихотворения «А кто там идет?»: оно сейчас переведено на 80 языков народов мира, в том числе на английский, французский, немецкий, испанский, хинди, китайский, японский, арабский и другие языки.

Сочетание образов и средств богатейшего национального фольклора с

МАКСИМ ТАНК — народный поэт Белоруссии, лауреат Ленинской премии, Государственной премии СССР и Государственной премии БССР. Действительный член Академии наук Белорусской ССР, секретарь правления Союза писателей СССР и первый секретарь правления Союза писателей БССР.

Янка Купала (слева) и Якуб Колас на фотографии 20-х годов.

Фото © Фототроника ТАСС, Москва

новаторским поиском, умение достичь масштабных обобщений и придать изображенному символический смысл, высокий накал чувств, широта взгляда на мир сообщали произведениям Купалы и Коласа величайшую идейно-художественную ценность. Не имея себе равных по кровной близости к мужику (это отмечали применительно к Купале и Коласу, в частности, Шолохов и Арагон), творения двух великих поэтов открывали в жизни своего народа общечеловеческие духовные горизонты.

У обоих классиков было много общего и в личных судьбах, и в творчестве. Они родились в 1882 г., жили в одно историческое время, решали общие и схожие задачи. С раннего детства проходили они нелегкую науку работы на земле, на опыте своих семей и на собственной участи познали тяжесть безземелья, переездов с места на место в поисках заработка. Рано умерли у обоих отцы, надорвавшись от непосильной работы.

Не случайно выбрали они себе и псевдонимы, связанные с народной жизнью: Иван Доминикович Луцевич назвался Янкой Купалой, взяв себе литературное имя от поэтического народного праздника; Константин Михайлович Мицкевич — Якубом Ко-

ласом, словно воплощая в этом имени поэзию возвращенного на родной ниве хлебного колоса. Оба стали борцами за народную свободу, оба подвергались цензурным гонениям и репрессиям со стороны царских властей; и за свои произведения, и за общественную деятельность. А Якуб Колас за участие в нелегальном учительском съезде был в 1908 г. приговорен к тюремному заключению и около трех лет провел в заточении.

Вполне естественно, что часто у них совпадали мотивы и образы — общим был их главный герой, общими были и настроения, владевшие народной массой. Но, несмотря на эту общность, они неповторимые и разные: Купала — преимущественно поэт-лирик, поэт резко выраженного романтического темперамента, кипучих страстей. Его прекрасные поэмы «Курган», «Могила льва», «Она и я» повествуют о событиях исключительных, «романтических». Они проникнуты внутренним напряжением и драматизмом, поражают смелостью поэтического мышления, обилием символических, философско-обобщенных картин. Колас — поэт более земной, почти не прибегающий к исключительным образам и краскам. Он в отличие от Купалы более эпичен, вни-

мателен к подробностям, деталям картин жизни, быта.

*Пригорюнились избушки,
Глянешь — сердце защежит.
На дворе — зола да стружки,
Мусор кучами лежит.*

*Крест замшелый при дороге,
Купа тощих тополей...
Так тоскливо, что в остроге,
На кладбище — веселей.*

Не случайно Колас на протяжении всего жизненного пути активно выступал в прозе и, помимо многих рассказов и повестей, оригинальных аллегорических «Сказок жизни», создал обширную реалистическую трилогию «На росстанях».

Оба поэта — Купала и Колас — в годы первой империалистической войны были призваны в царскую армию и очутились за пределами Белоруссии. Как и следовало ожидать, Октябрьскую революцию они встретили как истинно народную и приветствовали ее в ряде стихов. Правда, вплоть до 1939 г. оставалась оккупированной панской Польшей западная часть Белоруссии.

Но над Восточной Белоруссией после 1917 г. взошло солнце народной свободы. Белоруссия обрела свою государственность, стала равноправной республикой в семье братских народов. Строились заводы и фабрики, прокладывались новые дороги, дух созидания и творчества окрылял народные массы. Дети бедноты устремились в только что открытые университеты и другие высшие или средние учебные заведения. Создавались профессиональные белорусские театры, и в них с большим успехом шла знаменитая купаловская «Павлинка» (она и поныне не сходит со сцены), ставились другие пьесы Купалы и Коласа. Была основана Академия наук Белоруссии. Купала и Колас стали одними из первых наших академиков. Стремительно развивались экономика, наука, культура.

В 1941 г. фашистская Германия напала на Советский Союз. Купала и Колас выступили со страстным воззванием к борьбе против захватчиков. Стихотворение Купалы «Белорусским партизанам», стихи и поэмы Коласа воспламеняли миллионы сердец. Лютый враг разрушал города, уничтожал мирных жителей, сжигая многие деревни вместе с женщинами и детьми (в Белоруссии погиб каждый четвертый житель), но не мог сломить народного сопротивления. Янка Купала, к сожалению, не дожился дня Победы: в 1942 г. оборвалась его жизнь. А Якуб Колас увидел, как вновь возрождался из руин и пепла освобожденный край, как обретала наша республика свою экономическую мощь. До 1956 г. продолжалась его жизнь и творчество, научная и общественная деятельность.

Чрезвычайно много сделали оба поэта для своего народа, его культуры. Стихи и поэмы, драмы Янки Купалы, поэзия и проза Якуба Коласа вошли в золотой фонд нашей литературы, получили признание далеко за пределами своей страны. Массовыми тиражами издаются их книги. Созданы их литературные музеи и мемориальные заповедники. Ежегодно в их честь проводятся поэтические празднества. Их имена носят улицы и площади, учебные заведения и библиотеки, академические институты языкознания и литературы, два наших лучших театра, морские суда. Имена Янки Купалы и Якуба Коласа стали однозначными с именем Белоруссии, которой они посвятили свой прекрасный дар.

Иван Доминикович Луцевич (Купала) и Константин Михайлович Мицкевич (Колас), выдающиеся поэты Белоруссии, родились в 1882 г. Их литературные псевдонимы тесно связаны с народными белорусскими легендами и отражают любовь поэтов к родной земле, социальному освобождению и возрождению, чему они посвящали свое творчество. Легенда о колосе родилась в те времена, когда огромные пространства Белоруссии занимали болота. В псевдониме «Колас» воплощена поэзия возвращенных на родной ниве хлебов. И в современной Белоруссии по традиции из первых скошенных колосьев нового урожая сплетают пояс, которым торжественно обвязываются (рисунки слева). Псевдоним «Купала» происходит от названия летнего народного праздника, накануне которого девушки плетут два венка из клевера и бросают их в реку. Если венки плывут рядом, то девушке суждено вскоре найти суженого (рисунки на с. 22). В ночь на Ивана Купалу сельские жители отправляются на поиски расцветающего папоротника, который, согласно поверью, приносит счастье.

Св. Франциск отдает свой плащ богатому человеку, попавшему в беду. Одна из 28 фресок, изображающих сцены из жизни св. Франциска; работа Джотто [1300]. Храм в Ассизи.

Photo © Alinari — Giraudon, Paris

Перенесясь в царство чистой фантазии, давайте вообразим, что поступался в нашу дверь св. Франциск. Что бы произошло? Несомненно, он начал бы с рассказа о своем времени и о том, к чему стремился в жизни. Вот тут-то и возникли бы кое-какие реальные проблемы.

Попытаемся представить себе дальнейший ход беседы. Св. Франциск, вероятно, напомнил бы нам о своих жизненных идеалах и мы сразу же столкнулись бы с большими трудностями. Он, конечно, заговорил бы о бедности и призывал бы вести нищенский образ жизни, наставляя своих братьев отказываться от любой обители, будь то храм или убогая лачуга; он стал бы проповедовать христианство Иисуса, евангельского Христа — источника вдохновения паломнической церкви мира, той церкви, что находится в вечном движении, ибо она руководствуется идеей духовных исканий, поиска душ, жаждущих прозрения и поддержки, той самой церкви, которая за семь столетий, судя по всему, недалеко продвинулась в этом направлении.

Ну а мы? Мы по-прежнему придерживаемся совершенно противоположных представлений, несовместимых с проповедуемым св. Франциском путем лишений и страданий. Мы хотим жить в еще более комфортабельных и кра-

КАРЛО БО — итальянский писатель и литературный критик, играл видную роль в ряде авангардистских литературных течений, включая герметизм, в котором принимали участие такие крупные итальянские поэты, как Дж. Унгаретти и Э. Монтале. Преполагает французский язык и литературу в университете Урбино, ректором которого является с 1950 г. Настоящая статья взята из более обширного исследования, в котором автор с точки зрения западного христианства призывает вернуться к основополагающим заповедям францисканства — любви, миру и братству между людьми и народами.

От богатства к нищете

Италия конца XII в. как с исторической, так и с географической точки зрения едва ли представляется благоприятным местом для рождения «серафического святого» — человека, жизненной миссией которого было «следовать учению Иисуса Христа и идти по его стопам». Ибо когда в 1182 г. в городе Ассизи (Умбрия) на свет появился Франческо ди Пьетро ди Бернардоне, Апеннинский полуостров раздирали междоусобицы — папство боролось с империей, гвельфы с гибеллинами, буржуазия с аристократией и города с городами.

Человек, которому впоследствии было суждено стать основателем крупного монашеского ордена, проповедовавшего бедность, родился в богатой семье. Его отец Пьетро ди Бернардоне был зажиточным торговцем сукном, а сам Франческо, наделенный приятной наружностью, богатством и почерпнувший из любовных песен французских трубадуров романтические представления о рыцарстве, вскоре стал признанным вождем молодых светских по-вес Ассизи.

Снедаемый жадой рыцарских подвигов, он в 1202 г. участвует в войне между Ассизи и Перуджей, но в сражении при Понте-Сан-Джованни, в котором Ассизи потерпел сокрушительное поражение, попадает в плен. Когда спустя год Франческо освободили из плена, здоровье его было подорвано, но, восстановив силы, он в 1205 г. снова отправляется в путь, чтобы вступить в папскую армию. Этому странствию суждено было стать его «дорогой в Дамаск». Франческо удалось добраться лишь до Спо-

лето: по преданию, там на него «снизошло видение», наставлявшее его вернуться в Ассизи и ожидать зова к свершению благих деяний иного рода.

По возвращении в родной город он в ожидании зова уединяется и погружается в молитвы. Он совершает паломничество в Рим, где, смешавшись с толпой нищих и живя на подаяния, испытывает все тяготы бедности.

Долгожданный зов он услышал в полуразрушенной часовне св. Дамьяна на окраине Ассизи. Как рассказывает легенда, от распятия над алтарем он услышал призыв: «Ступай, Франциск, и восстанови разрушенный дом мой». Поняв эти слова буквально, он вернулся домой и, взяв из лавки отца столько сукна, сколько мог нагрузить на лошадь, поехал в Фолиньо, где продал и сукно и лошадь.

Вернувшись назад, он пытался вручить деньги священнику часовни св. Дамьяна, но разъяренный отец потащил своего сына на расправу сначала к городским властям, а потом и к епископу. На глазах у пораженного прелата сын сорвал с себя одежду, отдал ее отцу и сказал: «Доныне отцом своим я называл Пьетро ди Бернардоне, но с этого момента хочу служить только богу и отныне буду говорить только «Отче наш, иже еси на небеси». Епископ прикрыл своим плащом его наготу, и Франциск отправился жить в лес на склонах горы Субазьо.

Разорвав семейные узы и отречьшись от земных радостей, Франциск целиком посвятил себя служению богу. Облечившись в рубище отшельника, он принимается

Явись св. Франциск сегодня, услышал бы современный мир глас „апостола нищеты“?

Карло Бо

сивых домах, ходить в церкви, которые в большей степени импонируют нашим вкусам и воспитанию. И самое главное, мы пытаемся превратить эту религию, которая через св. Франциска связывает нас с Христом, в источник умиротворения, и косвенно мы используем ее для оправдания нашей индифферентности. Мы идем в церковь, чтобы обрести мир; св. Франциск переступает ее порог, чтобы укрепиться в стремлении бороться с самим собой, со всем, что хоть на мгновение могло бы ус-

покоить его, дать передохнуть, забыть-ся.

Ясно, что начатый в таком ключе наш воображаемый разговор не может привести к взаимопониманию, и Франциск продолжает бродить по большим и малым дорогам мира (конечно, сейчас он выглядит по-другому, да и одет иначе, возможно приняв обличие человека, которого общество заклеямило и исключило из своих рядов). И все же первые слова, которые, как нам представляется, он произнесет

и которые он пронес через века католицизма, — это «дух нищеты».

Сам принцип нашей экономики противоречит евангельскому идеалу св. Франциска. Не случайно его учение основано на отрицании: не владеть, не иметь, не брать; оно побуждает отдавать, уговаривать других брать у нас и помогать тем, кто беднее.

В чем состоит истинное блаженство? Блажен и безмятежен тот, кто, оказавшись ненастной ночью далеко от дома, тщетно стучится в дверь монастыря.

Photo © Télérama, Paris

Любовь св. Франциска к природе нашла свое отражение в легенде о том, как он призывал своих друзей-птиц воспевать хвалу богу. Он считал природу божественным отражением, и его идеал братства, который он распространял не только на людей, но и на все божественные творения, изложен в его знаменитой «Кантика брата Солнца». Это поэтическое произведение не только одно из самых прекрасных в итальянской литературе, но и первое, написанное на разговорном итальянском языке. До XIII в. большинство произведений итальянской литературы создавалось на церковной латыни. «Кантика», написанная св. Франциском незадолго до смерти, в 1225 г., проложила путь таким поэтам, как Гвидо Кавальканти и Гвидо Гвиницелли, к «новому прекрасному стилю» в поэзии, воспетому Данте в «Божественной комедии». Слева: Грэм Фолкнер в роли св. Франциска в фильме Франко Дзеффирелли «Франциск и дорога к Солнцу».

сначала за восстановление часовни св. Дамьяна, а затем небольшой часовни Санта-Мария дель Анджели, которая впоследствии стала колыбелью ордена францисканцев.

Именно здесь в день св. Матфея 24 февраля 1208 г. Франциск, слушая чтение Евангелия, как-то особенно проникся словами Христа, которыми он напутствовал своих апостолов: «Не берите с собой ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания. В какой бы город или селение ни вошли вы, наведывайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не выйдете». Теперь наконец смысл жизни и призвание стали для Франциска кристально ясными. Не будучи посвященным в духовный сан, он начал читать горожанам проповеди, и вскоре вокруг него образовалась группа приверженцев и последователей. 16 апреля 1209 г. составленные Франциском «Правила» для членов братства получили одобрение папы, официально закрепившее существование ордена францисканцев.

Ряды францисканцев пополнялись и женщинами, для которых Франциск три года спустя учредил второй орден, известный как орден кларисс по имени первой последовательницы Франциска, аристократки из Ассизи Клары Оффредучи. И, наконец, в 1221 г. он основал орден терциариев, или «кающихся мирян», куда могли вступать мужчины и женщины, сохраняя свое имущество и общественное положение и не давая религиозных обетов, изъявляя лишь желание следовать основным заповедям бытия францисканцев.

Тем временем мужской орден быстро разрастался и распространял свое влияние за пределы Италии. В 1212 г. Франциск намеревался посетить святые места, но судно потерпело кораблекрушение в Адриатическом море, и ему пришлось вернуться на родину. В 1219 г. он отправился

в Египет, где крестоносцы вели осаду Дамьеты; согласно легенде, Франциск вступил в лагерь сарацинов и читал проповедь султану.

Болезни, преследовавшие Франциска на протяжении всех последующих лет жизни, заставили его отказаться от замыслов побывать во Франции и Испании. К тому же его присутствие было необходимо в Италии, где продолжавшееся расширение братства францисканцев настоятельно требовало изменения и дополнения «Правил» ордена. Сформулированные в окончательном виде «Правила» были утверждены папой Гонорием III в 1223 г.

Измощенный многочисленными недугами, которые он именовал своими «сестрами», а также тяготами, которым он подвергал себя, Франциск начал ощущать потребность устраниваться от руководства деятельностью ордена и вместе с тремя своими собратьями летом 1224 г. отправился искать убежища на горе Ла-Верна неподалеку от Ассизи. Здесь, по преданию, во время молитв и скорби о страданиях Христа, на него снизошло видение шестикрылого серафима. Когда оно исчезло, Франциск обнаружил на своем теле «стигматы» — следы ран Христа на кистях, стопах и на боку.

К приближающемуся рождеству Франциск возвратился в часовню Санта-Мария дель Анджели и, несмотря на окончательно подорванное здоровье и надвигающуюся слепоту, в течение первых месяцев 1225 г. разъезжал на осле по Умбрии, обращаясь с проповедями к жителям провинции. Зрение Франциска продолжало ухудшаться, поэтому собравшись по ордену отвезти его в Риети на лечение, но оно было безуспешным. После непродолжительного пребывания в Сиене Франциска привезли на его родину в Ассизи, где он скончался 3 октября 1226 г. В 1228 г. Франциск был канонизирован папой Григорием IX.

Св. Франциск превращает эту бытовую притчу в основное средство достижения своего идеала духовного утверждения личности — человек находит спасение именно тогда, когда мир покинул его.

В глубочайшем несчастье, продолжает перешагнувший порог, возмутитель спокойствия св. Франциск, находим мы единственное знание спасения. Для него надежда исходит не от нас самих и не от других людей, а только от бога, пути которого неисповедимы и усеяны терниями. Благодать — не вознаграждение, а лишь обещание вознаграждения, спасения души, обещание того, что тревоги и страхи обратятся радостью и ликованием.

Наш бедняк, или, точнее, бедняк, которого охотно рисует наше воображение, — существо абсолютно пассивное. Мы успокаиваем его, убаюкиваем,

и Христу: зачем проповедовать то, что столь мучительно, столь тяжело, практически недостижимо, и две тысячи лет опыта если не полностью, то в значительной мере подтвердили это.

Наша жизнь в прошлом и настоящем, как представляется, подтверждает, что св. Франциск заблуждался, и наводит на мысль о том, что именно естественность, обычность и сила наших искушений служат основным доказательством тщетности и смехотворности мечтаний св. Франциска о братстве и о мире, основанном на этом братстве.

В этом мы усматриваем один из наиболее тревожных и одновременно самых примечательных аспектов францисканства — его явную готовность азбунтоваться и отбросить смирение ради защиты собственных убеждений. Ему было бы нетрудно встать во главе движения, которое бросило бы вызов

«сеньору папе» и местному епископу. Но именно в этих случаях св. Франциск пришел к выводу, что истина неотделима от смирения, но смирение подобно холодной грозовой ночи, оно — искупление, высшая цель которого — обретение свободы. Важно, однако, отметить, что смирение — не бессознательный акт, и оно не может быть подменено простым бегством от реальной жизни, это смирение, за которое приходится платить кровью и слезами.

Вся история христианства основана на проповеди смирения, и это было хорошо известно св. Франциску, страшившемуся ереси и искушения духа противоречия. Он без колебаний призывал своих собратьев скрупулезно следовать евангельским принципам и учениям церкви. Подозрительное отношение к теологии вызывалось мыслью о том, что в результате безудержных философствований людскими сердцами могла вновь завладеть мирская гордыня.

Можно ли потребовать от человека большей жертвы, чем согласиться загубить свой разум? Мы считаем, что люди наделены разумом для того, чтобы пользоваться им по своему усмотрению. А св. Франциск категорически это отрицает. Для него разум — только средство еще большей любви к богу, которым надлежит распоряжаться тому, кто призван стать нашим поводом.

Его заповеди и наставления, идущие из его канувшего в лету века, преднамеренно замалчивались, заглушались в течение длительного времени, фактически с того самого момента, когда человек стал руководствоваться своими корыстными интересами и стремиться к равновесию, которое, по-видимому, стало возможно благодаря случаю, способности человека к адаптации и иллюзии, что он один на белом свете. Мы заглушили, или нам пока кажется, что заглушили крик Каина, тот самый крик, который св. Франциск стремился изо всех сил изгнать из нашего повсе-

Евангелист Иоанн и Франциск Ассизский, произведение Эль Греко (начало XVII в.).

Photo © Anderson — Giraudon, Paris. Prado Museum, Madrid

Св. Франциск и св. Доминик. Деталь одной из фресок работы Бенотцо Гоццолли, созданных им между 1450 и 1459 г. в церкви св. Фортунатуса в Монтефалько, Умбрия.

Photo © Anderson — Alinari, Rome

делаем все, чтобы сбросить с него изъеденное молью покрывало славы. Мы подаем ему в надежде, что он оставит нас в покое, и даже устаиваем его своим советом, лишь бы только он не потревожил нашего покоя. Св. Франциск, напротив, видит в нищем главное существо, иглу терния, терзающую плоть, и более всего видит его как лик истины.

Строя свое учение о любви на контрастах, св. Франциск возводит духовный смысл нищеты на следующую ступень. Тот, кто ненавидит нас, — могуч, он похож на нас, но опаснее, ибо угрожает вторгнуться в сферу наших владений, лишит нас части нашей славы, власти, надежд. А св. Франциск велит нам любить его как самого себя, любить этого богатого, как если бы он был нищим, как если бы в образе победителя нам открылся лик истерзанной плоти и души христовой.

Можно предположить, что св. Франциск был ниспослан на нашу землю по стопам Христа, чтобы еще раз показать утопизм Евангелия. И это дает нам возможность возразить св. Франциску

дневного существования. Зачем давать отчет в наших деяниях, зачем отвергать дух свободы, зачем прокладывать смиренным путем к молитвам? Св. Франциск требовал и продолжает требовать от нас многого, никогда ничего не обещая взамен. В лучшем случае он обещает нам «абсолютное блаженство», в которое сейчас никто не верит. Подобно евангельскому Христу, он не указывает верного пути к спасению и не вызывает в истерзанных умах людей видений рая; мы всего лишь люди, указывающие другим людям на земные райские кущи, которые со временем становятся единым «Эдемом», где все ведет к убийству и возвеличиванию видимых побед.

Некоторые черты безумия учения св. Франциска не удивляют и не волнуют нас так, как они удивляли и волновали его современников, пораженных проповедью отказаться от всех материальных благ и пребывать в одном рубище. Он вызывал негодование тех, кто слушал его речи на улицах и площадях, ибо они полностью противоречили социальной модели своей эпохи. Мы же попросту забыли, вычеркнули его из памяти. То, что некогда было безумством, божественным безумством, сегодня лишь забавный курьез. Но, возможно, мы преувеличиваем. Если о нем помнят по прошествии семи веков и если писатели, начиная с Данте и кончая современными авторами, время от времени поддаются искушению воскресить его дух, если св. Франциск все еще будоражит умы, то это значит, что путь его, от которого мы пока отказываемся, все еще остается открытым.

Возвратится ли св. Франциск? Пока мы ограничиваемся фантазиями и ставим вопрос с ног на голову в гипотетической форме: если он вернется и постучится в нашу «бумажную» дверь, что просочится к нам в нескончаемом потоке новостей и другой информации? Каково будет наше суждение о нем, и чему он больше всего поразится?

Когда св. Франциск стучится в нашу дверь (а это случается гораздо чаще, чем мы думаем), мы приоткрываем ее лишь наполовину; мы пускаем в наш дом легенду о нем, но оставляем за порогом его заповеди: терпение, милосердие, любовь. А ведь в конечном счете именно любовь соединяет и объединяет нас всех. Но почему же мы оставляем его заповедь любви за нашим порогом? Да потому, что мы не способны на такую любовь; в обстановке потребительства, ростовщичества и эксплуатации, когда действует принцип *do ut des* (даю, чтобы ты дал) и вытекающая из него жизненная «философия», дух любви — это то «добро», что мы начертали на наших хоругвях и которому на деле не следуем. Это «добро» предназначено только для нас самих, и мы делаем все, что в наших силах, чтобы заполучить и приумножить его во всех его материальных проявлениях. Но это «добро» никогда не становится добром для других, как хотел бы св. Франциск.

Св. Франциск потерпел поражение, равно как и его мечты о сообществе людей, живущих вне жестких законов экономики. Усилия, предпринимавшиеся на других континентах и вдохновленные его высокими побуждениями, принадлежат истории, и маловероятно, что они снова дадут о себе знать в напечатанном виде. Многие индустриальные общества невероятно обострили причины социальных контрастов, известные со времен св. Франциска, но не будем забывать, что он предвидел важность этой проблемы и по-своему сумел распознать ее скрытые корни.

Photo © Louis Monier, Paris

Вифредо Лам 1902-1982

Он был высок, костляв, сухопар; один из тех, о ком говорят «кожа да кости». Он напоминал Дон-Кихота, которому посвятил свою автобиографию и который занимал в его сердце особое место как образ идеального человека. Но, несмотря на внешнее сходство с Дон-Кихотом и его любовь к «человеку из Ламанчи», Вифредо Лам не был испанцем; он был сыном тропиков, карибом, кубинцем до мозга костей.

Лам родился на Кубе в 1902 г. в Сагуа-ла-Гранде, в центре региона, долгая и богатая событиями история смешения народов и культур которого сделала его, по словам Лама, «естественным географическим перекрестком, местом встреч и расставаний». В его жилах текла кровь четырех основных этнических групп Карибского бассейна: африканская, европейская и индейская по материнской линии и китайская — по отцовской.

Лам начал учиться живописи в Гаване, а затем в 1923 г. отправился в Испанию, где прошел наиболее важный этап его жизни. «Когда я приехал в Мадрид, — вспоминал позднее Лам, — я оказался провинциалом, который ничего не видел. Первое посещение Прадо стало для меня открытием». Спустя 13 лет (в 1936—1937 гг.) он принимает активное участие в обороне Мадрида, сражаясь на стороне республиканцев, и в конце 1937 г. попадает в Париж.

В Париже Лам вскоре встретился с Пикассо, который познакомил его с Андре Бретоном и другими представителями сюрреализма, с которыми Лам впоследствии поддерживал тесные связи. Встреча Лама с Пикассо и художниками-сюрреалистами оказала решающее воздействие на его творчество, сформировавшееся под влиянием европейского интеллектуального и творческого авангардизма, с одной стороны, и столь близких Ламу художественных истоков Карибского региона — с другой. Впоследствии этот художественный синтез воплотился в его первых крупных произведениях.

В 1941 г., спасаясь от фашистских захватчиков, Лам вместе с несколькими парижскими друзьями отплывает из Марселя. В 1942 г. он добывается до Гаваны; встреча с родной землей, которую он покинул 18 лет назад, и негритянской культурой, окружавшей его с детства, произвела глубокое стимулирующее впечатление на творческое воображение ху-

дожника. Когда в 1943 г. он закончил свою известную картину «Джунгли» (см. «Курьер ЮНЕСКО», январь 1982 г.), в которой в европейской авангардистской форме с таким воображением и с такой силой нашли свое выражение мифические и синкретические кубинские верования (африканский анимизм и испанский католицизм), это произведение вызвало целую бурю эмоций на выставке в Нью-Йорке в том же году.

На Кубе Лам прожил до 1952 г., затем он вновь поселился в Париже. Однако он часто бывал на родине, особенно после революции 1959 г., которую горячо поддерживал с самого начала.

К этому времени полотна Лама принесли ему мировую известность, а каждое новое произведение подтверждало репутацию большого художника, представляющего пробуждающиеся развивающиеся страны, и гласная отвергаемых культур пораженных народов. Благодаря волшебству его воображения мир мифических и синкретических представлений обретал цвет и форму, как бы впервые осознавая свое существо. Говоря о картине «Джунгли», французский писатель Алэн Жюффруа отметил, что «она явилась первым революционным проявлением искусства развивающегося мира, который, по-видимому, уже понял необходимость рассматривать все мировые культуры на общей основе, и ознаменовала признание нового подхода к этому вопросу всех стран... Это полотно свидетельствует о том, что не существует непреодолимой несовместимости народов и что все они очень тесно взаимосвязаны».

Действительно, хотя Лам был сыном карибов и в более общем плане сыном Нового Света, он в то же время был тесно связан со Старым Светом. Именно характер развития европейского искусства XX века (в этой связи вспомним Матисса и Пикассо, открывших для себя «примитивное» африканское искусство) способствовал возрождению афро-кубинского наследия в произведениях зрелого периода творчества Лама. Метис по рождению, он оставался метисом в своем творчестве, наполняя его буйной радостью развития современного карибского искусства и сохраняя динамизм до последних дней жизни.

Вифредо Лам скончался в этом году в Париже в ясный сентябрьский день.

Франсиско Фернандес-Сантос

Шимановский

Жизнь и музыка

Ю. Уолдон

Судьбы творческих личностей и их наследие часто бывают весьма причудливы: музыку Вивальди «открыли» лишь спустя два столетия после смерти композитора; Ван-Гог, как и многие художники, жил в нищете, а сегодня его полотна оценивают в миллионы долларов; бывает порой и так, что выдающихся деятелей искусства при жизни прославляют, а после смерти все созданное ими на какое-то время несправедливо предается забвению. Именно такая судьба выпала на долю Кароля Шимановского, который в 30-х годах считался одним из самых видных композиторов Европы.

Шимановский родился 3 октября 1882 г. в небольшом городке Тимошковка, в районе, который дал миру таких людей, как выдающийся английский писатель Джозеф Конрад (Юзеф Коженёвский) польского происхождения; знаменитый пианист Игнацы Падеревский; известный польский писатель нашего времени Ярослав Ивашкевич. Из этих же мест были родом и две вошедшие в историю мировой культуры знаменитые женщины — возлюбленная Бальзака Ева Ганская и вдохновительница творчества Ференца Листа Каролина Ивановская (позднее — принцесса Витгенштейн).

Шимановскому посчастливилось родиться в семье, в которой живо и глубоко интересовались театром, литературой, а больше всего — музыкой. Никто не мешал ему следовать избранному им пути, и Кароль получил музыкальное образование в Варшаве, где его друзьями стали пианист Артур Рубинштейн и скрипач Павел Коханьский. Позднее эти блестящие исполнители стали ревностными пропагандистами сочинений Шимановского в Европе и США.

В начале своего творческого пути Шимановский испытал влияние Шопена и Скрябина. В 1902 г. одно из сочинений молодого композитора включил в свой репертуар широко концертировавший пианист Падеревский, и имя Шимановского обрело международную известность. После 1906 г. его симфонические произведения начали исполнять оркестры Варшавы, Берлина, Вены. По традиции того времени один из известных меценатов, князь Владислав Любомирский, знаток и почитатель музыки, предложил Шимановскому поселиться в его венском дворце и рекомендовал произведения композитора издательству «Универсаль», которое впоследствии и публиковало все его

где познакомился с Игорем Стравинским (Артур Рубинштейн в своих воспоминаниях не без юмора сообщает, что встреча со Стравинским, державшимся холодно и отчужденно, была не слишком удачной). На родину Шимановский вернулся летом 1914 г., с одним из последних поездов, успевших пересечь границу в самый канун войны. И когда на Западе загремели пушки, его охватила лихорадочная жажда творчества, породившая целый поток значительных произведений.

Его Первый концерт для скрипки, навеянный «Майской песней» польского поэта Тадеуша Мициньского, —

Слева направо: Г. Фительберг, К. Шимановский и А. Рубинштейн в Вене в 1912 г.

произведения (за исключением балета «Харнаси», Четвертой концертной симфонии и Второго концерта для скрипки, увидевших свет в Париже, в издательстве Макса Эшига).

Сочинения Шимановского 1906—1910 гг. отражают его увлечение творчеством Макса Регера и Рихарда Штрауса, импрессионизмом Дебюсси, музыкой арабского Востока (он познакомился с ней во время путешествия по Африке). Однако вскоре композитор нашел свой собственный путь в творчестве — главным источником его вдохновения явились польские национальные темы и мотивы.

После поездки в Африку Шимановский побывал накануне первой мировой войны в Париже, где встречался с Клодом Дебюсси, и в Лондоне,

это вдохновенный гимн любви, торжествующей наперекор отчаянию и мукам. Третья симфония («Песнь о ночи») для оркестра, тенора и хора — произведение совершенно иное по характеру: написанная на слова великого персидского поэта Руми (XIII в.), эта гигантская музыкальная фреска богатством звучания напоминает могучее дыхание океана; ее кульминация — тема проникновенного, граничащего с экстазом размышления-самораскрытия: «Мы одиноки — бог и я...»

«Мифы» Шимановского — сюита для скрипки и фортепиано (наиболее известная ее часть — пользующийся большой популярностью «Фонтан Аретузы»). На пути в Африку Шимановский побывал в Сицилии, где

все проникнуто живым еще наследием Древней Греции, и там ему — как откровение — раскрылась нетленная красота античности. Его «Мифы» и стали музыкальным воплощением этого откровения.

После заключения Версальского мирного договора композитор с семьей перебрался из Елизаветграда в обретшую независимость Польшу. И начиная с 1920 г. он все шире обращается в своем творчестве к польскому фольклору — песням, танцам, импровизациям бродячих музыкантов и особенно к музыке горцев Татр. Но вводя народные мелодии и ритмы крестьянских танцев в такие сочине-

зять в музыке прежде всего глубокие и неизменные общечеловеческие чувства.

Шимановского называли «романтиком современности», и вполне заслуженно. С годами его творческая манера становилась все более уравновешенной и строгой. В этом смысле показательна оратория «Stabat Mater», созданная в период наивысшего расцвета творческих сил композитора, она по праву признается шедевром.

Авторитет Шимановского в музыкальном мире все возрастал, и в 1927 г. его назначили директором Варшавской консерватории. Однако

сих мастеров европейской музыки. В 1929 г. Шимановский был удостоен ордена Итальянской короны, а в следующем году его избрали членом Пражской Академии наук и искусств. В 1931 г. он стал кавалером французского ордена Почетного легиона и почетным членом Международного общества современной музыки, в которое входили также Рихард Штраус, Мануэль де Фалья, Морис Равель, Игорь Стравинский, Бела Барток и другие выдающиеся композиторы.

В 1924—1926 гг. Первый концерт для скрипки Шимановского звучал в исполнении таких замечательных музыкантов, как Шампиньи (в Париже), Павел Коханьский (в Нью-Йорке), Леопольд Стоковский и Губерман (в Вене). А в 1929—1937 гг. оратория «Stabat Mater» исполнялась в Неаполе, Вене, Брюсселе, Париже, Клагенфурте, Варшаве, Нью-Йорке, Дюссельдорфе и Чикаго. Балет «Харнаси» в концертном исполнении прозвучал в 1935—1937 гг. в Кливленде и Нью-Йорке и был поставлен на сценах Праги и Парижа, Белграда и Гамбурга. Когда Четвертая симфония для оркестра и фортепиано исполнялась в Копенгагене, Москве, Амстердаме, Бухаресте, Стокгольме, Париже и Лондоне, солистом был сам Шимановский.

Однако в период наивысшего своего успеха Шимановскому пришлось пережить немалые огорчения. В 1936 г. его балет «Харнаси» был поставлен на сцене Парижской оперы в хореографии Сержа Лифаря, который танцевал главную партию. Критики единодушно осыпали композитора похвалами, но, к несчастью, через несколько дней после премьеры в театре случился пожар, и представления намечено было перенести на сцену театра на Елисейских полях. Но последующие представления так и не состоялись.

В 1937 г. Шимановский умер от туберкулеза, которым страдал с детства, в ту пору эта болезнь часто оканчивалась неизлечимой.

А спустя два года на Европу обрушилась развязанная Гитлером вторая мировая война, Польша была повержена, и имя большого музыканта, казалось, начало стираться в памяти людской. Позднее, после окончания войны, кое-кто из тех, кто считал себя выразителем нового в музыке (а на деле был не столько новатором, сколько традиционалистом), пытался «притормозить» возрождение произведений композитора, но Шимановский, ранее считавшийся «романтиком», успел стать благодаря жизненной силе и красоте своего искусства «классиком», и его творчество мало-помалу вновь получило всеобщее признание.

Весной 1975 г. опера Шимановского «Король Рогер» была поставлена в лондонском театре «Сэдлерс Уэллс». Триумфальный успех этого спектакля породил своего рода ценную реакцию, и на оперных сценах разных стран мира начали появляться все новые и новые постановки «Короля Рогера». Последний из примеров такого рода — успех оперы Шимановского на подмостках Театро Колон в Буэнос-Айресе осенью 1981 г.

Столетие со дня рождения Кароля Шимановского, включенное ЮНЕСКО в календарь знаменательных дат, дает прекрасную возможность приветствовать возрождение его музыки в современном мире, который сейчас больше чем когда-либо нуждается в красоте и мирной жизни, — в том, чему так содействует музыка.

Афиша балета Шимановского «Харнаси», пользовавшегося большим успехом в Париже в 1936 г. Премьера этого балета состоялась в Праге годом раньше. В «Харнаси» Шимановский использовал отрывки из различных народных музыкальных произведений, в которых слышится звонкое эхо Татрских гор.

Photos
© Polish Institute, Paris

ния, как оратория «Stabat Mater», балет «Харнаси» и Четвертая концертная симфония, Шимановский сочетает их с современными приемами письма, komponует музыкальный материал с той же свободой и изяществом, какие были присущи Александру Прокофьеву, Беле Бартоку или Игорю Стравинскому. В своих сочинениях Шимановский редко отказывался от тональной системы. В сравнительно немногочисленных атональных экспериментах он близко подходит к манере Арнольда Шёнберга, однако полностью двенадцатитоновую систему не применял. Для него характерны прежде всего своеобразие и яркость мелодического языка, с его доступностью, «узнаваемостью», ибо он стремился выра-

зависть некоторых коллег-музыкантов, интриги представителей правящих кругов вынудили его в 1932 г. отказаться от этого поста. Это был удар, от которого Шимановский, увы, не смог оправиться. Правда, ему не нужно было директорское кресло, чтобы влиять на формирование творческой индивидуальности музыкантов. И хотя временами эти молодые художники «сопротивлялись» тому, что называли «романтизмом Шимановского», творческие уроки старшего коллеги многие дали каждому из них.

Но если в собственной стране композитору приходилось сталкиваться с немалыми трудностями, то за рубежом успех его произведений обеспечил ему славу одного из веду-

Баради: поэт и патриот

К. Сваминадан

В 1982 г. Индия отмечала столетие со дня рождения Субраманья Баради (1882—1921), которого тамилы называют *матакави* (великий поэт) и *акаракави* (бессмертный поэт). По общему мнению, это один из наиболее значительных поэтов в современной индийской литературе. Призыв к единству нации, ко всеобщему братству, страстное стремление к свободе — вот основные темы творчества Баради. Он работал лишь два десятилетия, но и за этот непродолжительный период Баради как журналист, поэт и патриот совершил переворот не только в тамильской литературе, но и в сознании своего народа. В его творчестве гармонично сочетались глубокое знание и восхищение перед непреходящими ценностями древней тамильской культуры как традиции народа с принятием идеала человеческого единения. Используя в своих произведениях современную разговорную речь и традиционные поэтические и прозаические формы, Баради выражал свое отношение к наиболее животрепещущим вопросам и событиям тогдашнего времени, таким, как подневольный полурабский труд, агрессия против нейтральной Бельгии, победа Великой Октябрьской социалистической революции, необходимость национального единства Индии и достижение подлинного *свараджа* (независимости).

Субраманья родился 11 декабря 1882 г. в Еттаяпураме, округ Тирунелвели, в тогдашнем Мадрасском президентстве. Его отец Чиннасвами Айяр состоял на службе у местного заминдара (крупного землевладельца). Мать умерла, когда он был еще ребенком. Отец хотел, чтобы его первенец получил образование по английскому образцу и стал государственным чиновником или инженером. Но мальчику, который поражал своих преподавателей и одноклассников

Субраманья Баради с супругой.

Photo © Information and Public Relations Department, Government of Tamil Nadu, Madras.

необычным даром стихосложения, были чужды такие прозаические устремления, и в результате по окончании школы он провалился на квалификационных экзаменах.

Когда ему было 15 лет, его помолвили с семилетней Челламмаль. Вскоре ему была предложена необременительная должность чтеца газет местного правительству. В этот период собрание придворных поэтов присвоило ему титул «Баради» (одно из воплощений богини Сарасвати, покровительницы наук). С тех пор в литературных кругах он стал известен как Субраманья Баради, или просто Баради.

Однако эта идиллия в родном городе продолжалась недолго. Через год умер его отец, оставив семью в стесненных обстоятельствах. Баради переехал в Варанаси к своей тетке. Два года, проведенные там молодым поэтом, оказали на него глубокое воздействие: он углубил свои знания

санскрита, хинди и английского языков; с успехом сдал вступительные экзамены в Аллахабадский университет, увлекся поэзией английских романтиков, особенно Шелли.

В поисках средств к существованию Баради в 1901 г. вернулся в Еттаяпурам и некоторое время преподавал тамильский язык в колледже. Когда Баради было 22 года, он познакомился с Г. С. Айяром, редактором ведущей тамильской ежедневной газеты «Свадеса-Миттиран» («Патриот»), издававшейся в Мадрасе. Молодому человеку предложили место помощника редактора в этой газете. Он оказался способным и талантливым переводчиком, что позволило ему ознакомиться с пламенными речами Свами Вивекананды, Ауробиндо Гхоша и Балгангадхара Тилака. Вскоре чувство протеста, давно нараставшее в Баради, бросило его в самый водоворот политической жизни страны.

К. СВАМИНАДАН — индийский педагог и журналист, с 1960 г. — главный редактор многотомного «Собрания сочинений Мататмы Ганди», которое готовит к выпуску правительство Индии.

Деталь бронзовой скульптуры (ок. 950 г.), изображающей шивантского поэта-мистика Маниккавашагара, жившего в IX в. Маниккавашагар, который был десикой [верховным учителем], всегда изображается со связкой пальмовых листьев в левой руке, на которых написаны на тамильском языке первые строки из его поэм или, как здесь, заклинание перед пением гимнов храма в Чидамбаре — наиболее почитаемом святилище Тамилнада. Около тысячи лет спустя другой тамильский поэт, Субраманья Баради, напишет следующие строки:

О вы, глупцы, блуждающие
В поиске мириад воображаемых богов!
Или не слышали вы бесчисленных строк,
Гласящих, что лишь знание есть бог!

Photo R. Nagaswamy © Tamil Nadu State Archaeological Department, Madras

Его статьи в поддержку движения левых мелкобуржуазных националистов, написанные ярко и убедительно, имели огромную популярность. Следующий и конечный шаг в творчестве Баради — использование классических форм тамильской поэзии для выражения современных идей, для пробуждения национальной гордости и патриотизма масс.

Движение против британского владычества в Индии получило новый импульс с разделом Бенгалии в 1905 г. и охватило всю страну. «Умеренная» «Свадеса-Миттиран» не могла помещать на своих страницах пламенные статьи Баради. Поэтому он уходит из газеты и начинает сотрудничать в новом еженедельнике на тамильском языке «Индия». Поэт связывает свою судьбу с радикальным крылом Индийского национального конгресса, рост которого британское правительство пыталось сдерживать арестами и репрессиями.

Чтобы избежать возможного ареста, Баради вынужден бежать в Пондишери, в то время французское владение в Южной Индии. Живя там, он продолжает сотрудничать в еженедельнике. Затем следует период лишений и суровых испытаний. Он находится под постоянным надзором британской и французской полиции. Его друзья Шри Ауробиндо, В. В. С. Айяр, С. Шива и другие патриоты, которые также были вынуждены искать убежище в Пондишери, поддерживают Баради в период выпавших на его долю невзгод. И хотя Баради временами падал духом, поэзия оставалась «якорем его сокровенных мыслей, надеждой сердца и душой всего его существа».

Баради вернулся из добровольной ссылки 2 ноября 1918 г. и был немедленно арестован. Он находился под стражей в течение 24 дней и был условно освобожден лишь после вмешательства некоторых видных общественных деятелей. Вскоре поэт вернулся в родной округ Тирунелвели. Его радикализм к этому времени несколько смягчился, и он начинает все более тяготеть к учению Махатмы Ганди. Поэтому газета «Свадеса-

Миттиран» сочла возможным пригласить его в Мадрас. Баради поселился в Трипликене, тогдашнем пригороде Мадраса, на некоторое время избавившись от крайней нищеты.

Но вскоре нелепый случай унес жизнь Баради. При посещении храма в Трипликене поэт, угощавший слона кокосовым орехом, был сбит с ног ударом хобота. Хотя Баради тотчас же был доставлен в больницу, врачи ничего не смогли сделать, и через несколько дней — 12 сентября 1921 г. — он скончался в возрасте 39 лет.

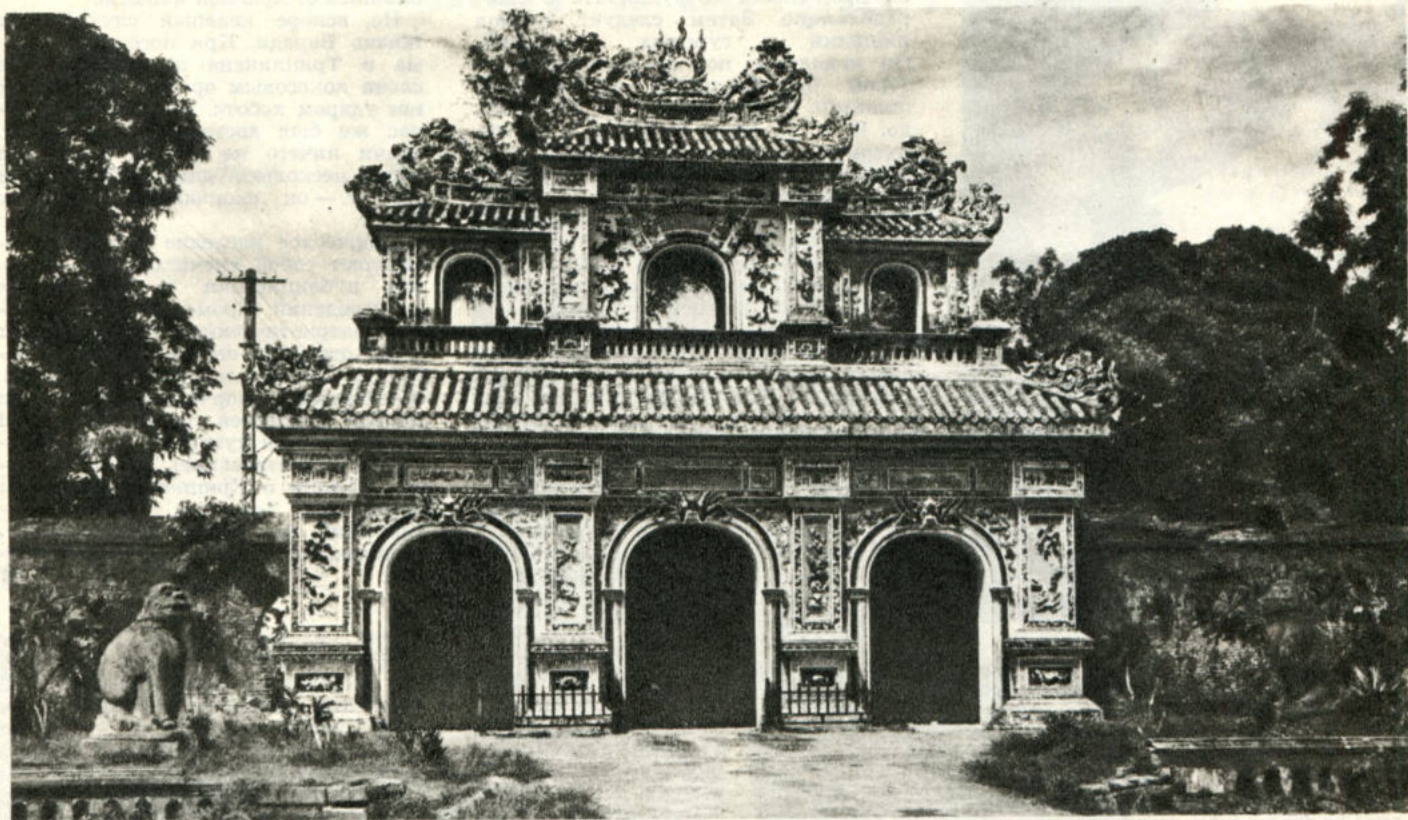
Творческое наследие Баради представляет собой впечатляющее собрание публицистики и поэтических произведений. Кроме широко известных патриотических стихов, следует особо отметить его изысканную любовную лирику и стихи о природе. Шедеврами в творчестве Субраманья Баради считаются три поэмы: «Kuyil Pattu» («Песня кукушки» — аллегорическое повествование), «Kannan Pattu» («Песни о Кришне») и «Panchali Sapatham» («Клятва Панчали» — фрагмент из эпоса «Махабхарата», удивительно созвучный современности).

Справа: скульптура из Восточной Бенгалии, изображающая индуистскую богиню Сарасвати — покровительницу наук и искусств (XI в.). В одном из своих воплощений она носит имя Бхарати (или Баради на тамильском языке). Этот титул был присвоен великому тамильскому поэту Субраманье его собратьями как дань его таланту. С тех пор он стал известен как Субраманья Баради, или просто Баради.

Photo © Bulloz, Paris

Памятники Хюэ

История Вьетнама

Новая книга Ле Тхань Хоя, преподавателя Сорбонны и консультанта ЮНЕСКО, на сегодняшний день наиболее полно отражает историю Вьетнама с древнейших времен до 1858 г. (т. е. до начала французской колонизации). Используя вьетнамские, китайские и европейские источники и опираясь на результаты последних археологических открытий во Вьетнаме, автор прослеживает развитие вьетнамской цивилизации.

Первое вьетнамское королевство — Ванланг — возникло в 7 в. до н. э. (в эпоху бронзы). Его культура распространялась на Южный Китай и Юго-Восточную Азию, о чем свидетельствует появление в этих районах украшенных рисунками ритуальных донгшонских барабанов. Культура Ванланг имела много общего с другими культурами этого региона: подсечно-огневое земледелие, ирригацию, использование каменных мотыг и бронзовых наконечников сох, строительство домов на сваях, тотемизм, татуировки.

Во 2 в. до н. э. Вьетнам был завоеван династией Западная Хань и на протяжении более тысячи лет входил в состав китайской империи; в этот период во Вьетнаме распространилось употребление железа, из Китая проникли конфуцианство и даосизм (буддизм проник в страну с юга). Но влияние этим и

ограничилось. Благодаря уже набравшей силу и утвердившейся культуре, экономической базе, сформировавшейся в плодородной долине Красной реки, относительно многочисленному населению и крепкой структуре деревенской общины вьетнамцы, в отличие от большинства других народов, проживавших к югу от Янцзы, смогли сохранить свою самобытность и язык и после долгих лет порабощения вновь восстановить свою независимость в X в.

Становление вьетнамской нации проходило под воздействием двух факторов: сопротивления периодическим нашествиям с севера и «марша на юг» крестьян, стремившихся обрести новые земли, что приводило к столкновениям сначала с шанами, а затем с кхмерами. Монархическая власть, передававшаяся на более ранних этапах по наследству и опиравшаяся на правящий клан, в XV в. становится «бюрократической» с конфуцианством в качестве своей официальной доктрины и конкурсным отбором чиновников.

Однако конфуцианство, пройдя через этап расцвета, утратило свою жизнеспособность. Сложившаяся накануне иноземного вторжения в XIX в. обстановка, характеризовавшаяся интеллектуальным и экономическим застоєм и ростом социальных противоречий, выливавшихся в многочисленные крестьянские

восстания, предвещала конец монархии. Тем не менее в конце XVIII и начале XIX в. наблюдался расцвет вьетнамской поэзии. Автор в своей книге отмечает социальное значение этой поэзии и приводит несколько прекрасных образцов поэтического творчества того периода.

Работа Ле Тхань Хоя является ценным обобщением историко-политического и культурного развития Вьетнама. Она документирована и богато иллюстрирована: содержит более 100 иллюстраций предметов материальной культуры доисторического периода, донгшонских барабанов с рисунками, образцов архитектуры религиозных, гражданских и военных сооружений, скульптуры, живописи, керамики, а также каллиграфии. Автор также изложил свое мнение о дискуссиях историков по таким проблемам, как процесс возникновения вьетнамской нации, «феодальный» или «азиатский» характер древнего способа производства, восстановление вьетнамской общности в XVIII—XIX вв.

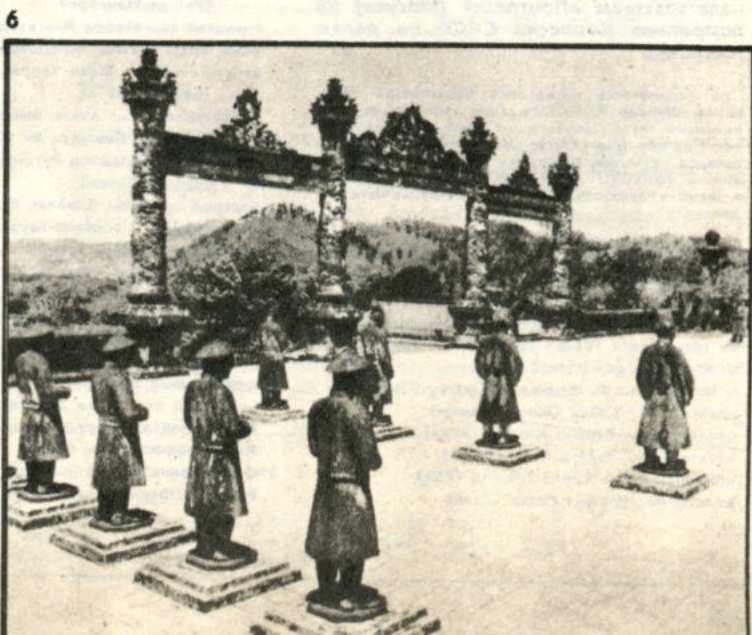
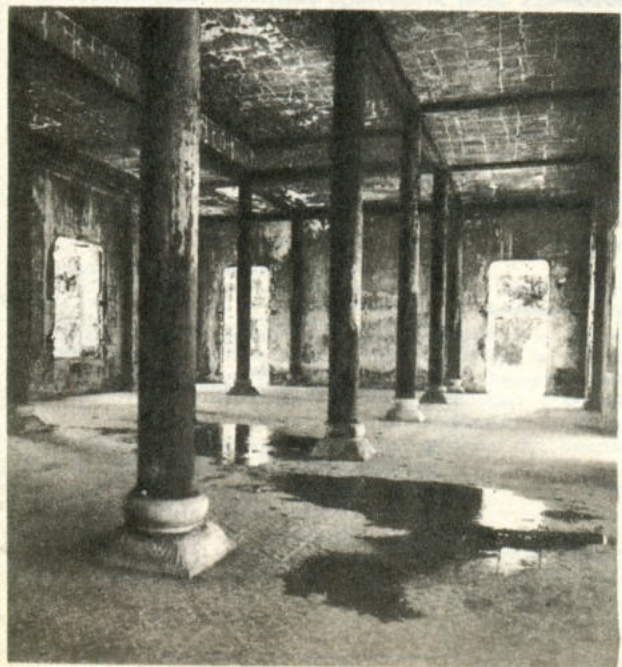
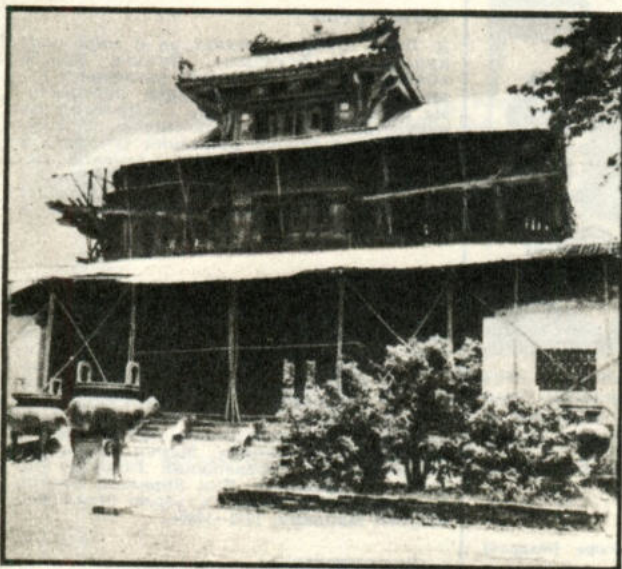
Таким образом, этот труд является ценным источником сведений, необходимых не только специалистам и преподавателям, но и широкому кругу читателей, всем тем, кто интересуется Вьетнамом и стремится разобраться в тех или иных аспектах нынешнего периода развития страны.

Histoire du Viet Nam des Origines à 1858, by Lê Thành Khôi, Sudestasia, Paris, 1982, 452 pages.

На фото: некогда столица династии Нгуен, город Хюэ (Вьетнам) расположен на северном берегу Ароматной реки в 12 км от морского побережья. Вокруг «Императорского дворца» и «Запретного Пурпурного города», являющихся центром древней столицы, расположены постройки начала XIX в., а также руины строений, представляющих собой высокохудожественные памятники архитектуры. В нескольких километрах к югу от этого огромного городского архитектурного комплекса находятся семь императорских гробниц, окруженных храмами, дворцами и садами. За долгие годы существования эта святыня вьетнамской культуры подверглась серьезным повреждениям. Кроме разрушений от пожара 1947 г. и в результате боев, проходивших там в 1968 г., зданиям наносит ущерб буйная тропическая растительность. Учитывая это, в конце 1970-х годов правительство Социалистической Республики Вьетнам в срочном порядке начало осуществлять предварительные мероприятия по сохранению этого памятника культуры. В ноябре 1981 г., в соответствии с генеральной линией ЮНЕСКО на сохранение культурного наследия человечества, Генеральный директор ЮНЕСКО Амаду-Махтар М'Боу обратился к международной общественности с призывом о сохранении и реставрации города Хюэ. На первой стадии долгосрочного проекта, принятого Генеральной конференцией ЮНЕСКО, намечено восстановить и реставрировать пятнадцать архитектурных памятников и две гробницы [с 1981 по 1986 г.]. На фото: [1] восточный вход в «Императорский дворец»; [2] гробница Минь Манга; [3] сады, окружающие гробницу Минь Манга; [4] павильон Миен Лак как при «Императорском дворце»; [5] внутреннее помещение Та Ву, пострадавшее во время пожара в 1947 г.; [6] эспланада мандаринов у гробницы Кхай Диня.

Photos Vorontzoff, Unesco

ХРОНИКА ЮНЕСКО

Премия мира ЮНЕСКО — СИПРИ

Премия ЮНЕСКО за воспитание в духе мира в размере 60 тыс. долл. присуждена Стокгольмскому институту исследования проблем мира (СИПРИ). Этот институт, созданный в 1966 г. парламентом Швеции, завоевал признание как один из крупнейших международных центров исследований и информации по проблемам разоружения и ограничения вооружений. Выступая на церемонии вручения премии в штаб-квартире ЮНЕСКО в Париже, Генеральный директор Организации Амаду-Махтар М'Боу отметил международное значение публикаций СИПРИ, которые способствовали осознанию мировой общественностью опасности гонки вооружений и распространению информации для понимания проблем разоружения и мира.

158-е государство — член ЮНЕСКО

С принятием в ЮНЕСКО 15 июля 1982 г. Антигуа и Барбуда стало 158-м государством — членом Организации.

Поздравительные открытки ЮНИСЕФ

На протяжении более 30 лет средства, вырученные от продажи поздравительных открыток ЮНИСЕФ, направляются

на обеспечение продовольствием, медикаментами и школьными принадлежностями нуждающихся детей в ста с лишним странах мира. В этом году ЮНИСЕФ подготовил большой выбор открыток и подарочных наборов, в т. ч. комплекты конвертов и писчей бумаги, специально изданные крупноразмерные открытки и т. д., а также настольный календарь ЮНИСЕФ на 1983 год, иллюстрированный шестидесятью цветными фотографиями на тему «Вода и жизнь». Внизу: подборка миниатюр.

НОВЫЕ ЖУРНАЛЫ ЮНЕСКО НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Так называлась информация, опубликованная в русском издании «Курьера ЮНЕСКО» (июль, 1982), в которой сообщалось о том, что по инициативе Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО и Госкомиздата СССР с 1982 года начинают выходить на русском языке пять новых журналов ЮНЕСКО: «ИМПАКТ. Наука и общество», «КУЛЬТУРЫ», «MUSEUM», «ПЕРСПЕКТИВЫ. Вопросы образования» и «ПРИРОДА И РЕСУРСЫ».

В многочисленных откликах на эту информацию, полученных русской редакцией «Курьера ЮНЕСКО», читатели проявляют интерес не только к общей характеристике и направлению новых журналов, но и к их содержанию. В этой связи публикуем перечень ряда статей, отображающих основную проблематику журналов.

«ИМПАКТ»

Ж. Дюшен «Молекулярная Вселенная и физико-химическое происхождение жизни». Ж.-Л. Демаре, Ж. Вандермелен «Антивещество и космология». П. А. М. Ди-рак «Величие теории гравитации Эйнштейна». Р. Э. Кальман «Введение в информатику». Д. Сингх «Традиционная индийская медицина». А. Сассон «Освоение лесных ресурсов тропической зоны».

«КУЛЬТУРЫ»

Д. Поль Шейфер «Культура и мир: роль культуры в будущем». Фелипе Эррера «Социально-экономическое развитие и политика в области культуры: перспективы региона». Жак Мери «Примитивное искусство и западноевропейская культура». Нестор Гарсия Канкани «Ремесла и культурная самобытность». Антонио Паскуали «Что мы познаем: коммуникацию или ее средства?». Джилло Дорфлес «Культ техники, кризис потребления и искусство».

«MUSEUM»

Жорж Фрадь «Национальный центр искусства и культуры имени Жоржа Помпиду в Париже!». Дирк Смиidt «Национальный музей и Художественная галерея Папуа Новой Гвинеи, Порт-Морсби». Магдалена Станчева «Археологическое наследие и современное градостроительство в Софии». Питер С. Хомюлоз «Канадская национальная программа каталогизации музейных коллекций». Мария Фосси Тодоров «Отдел просвещения Галереи Уффици, Флоренция». Яни Эрреман, Сергио Гонсалес де ла Мора, Гильермо Шмидубер «Музеи Мексики, 1972—1980».

«ПЕРСПЕКТИВЫ»

Р. Буден и Ж. Ланно «Неравенство возможностей в области образования в Западной Европе». Х. Фрейденаль «Новая математика или новое образование». Л. Дж. Лиледж «Неграмотность в промышленно развитых странах: социологический комментарий». Леонтьев А. Н. и Д. В. Эльконин «Право детей на образование и развитие психологических знаний о детях». Г. Лозанов «Ускоренное обучение и возможности человека». И. Классен-Бауэр «Воспитание в духе международно-го взаимопонимания».

«ПРИРОДА И РЕСУРСЫ»

Д. Ф. Мериал «Некоторые тенденции будущего развития геологии». Ю. де ла Рош «Происхождение и распределение химических элементов». С. С. Снедэйкер «Мангры — их ценность и сохранение». Э. Уайт «Исследование предвещаний об окружающей среде». Ф. ди Кастри, Л. Луп «Биосферные заповедники: теория и практика».

К сведению читателей: подписку на новые журналы ЮНЕСКО можно оформить до 1 марта 1983 г. в агентствах «Союзпечати». Индексы журналов: «Природа и ресурсы» — 71132, «Museum» — 71133, «Импакт» — 71134, «Культуры» — 71135, «Перспективы» — 71136.

Ежемесячный иллюстрированный журнал «Курьер ЮНЕСКО» выходит 11 выпусками в год (один раз в год — специальный номер). Издание журнала на русском языке с 1957 года осуществляется Ордена Трудового Красного Знамени издательством «Прогресс» (Москва) по поручению Комиссии СССР по делам ЮНЕСКО.

При перепечатке материалов обязательна ссылка на «Курьер ЮНЕСКО». При перепечатке подписанных статей необходимо указывать имя автора. Подписанные статьи выражают мнение их авторов, которое может не совпадать с точкой зрения ЮНЕСКО и редакции журнала. Подписи к фото и заголовки готовятся сотрудниками редакции.

Заместитель главного редактора Ольга Родель
Ответственный секретарь Джиллиан Уиткомб
Помощники главного редактора
русский яз.: Николай Кузнецов (Париж)
английский яз.: Говард Брабин (Париж)
французский яз.: Алэн Левэк
испанский яз.: Ф. Фернандес-Сантос (Париж)
арабский яз.: Сайед Осман (Париж)
немецкий яз.: Вернер Меркли (Берн)
японский яз.: Кадзуо Акао (Токио)
итальянский яз.: Марио Гидотти (Рим)
язык хинди: Кришна Гопал (Дели)

язык тамиль: М. Мохаммед Мустафа (Мадрас)
язык иврит: Александр Бройдо (Тель-Авив)
персидский яз.: Мохаммед Реза Беренджи (Тегеран)
голландский яз.: Поль Моррен (Антверпен)
португальский яз.: Бенедикто Силва (Рио-де-Жанейро)
турецкий яз.: Мефре Ильгасер (Стамбул)
язык урду: Хаким Мохаммед Саид (Карачи)
каталанский яз.: Жоан Каррерас-и-Марті (Барселона)
малайзийский яз.: Азиза Хамза (Куала-Лумпур)
корейский яз.: Лим Мун Ян (Сеул)
язык суахили: Домини Рутазесибва (Дар-эс-Салам)
издания шрифтом Брайля: Ф. Портер (Париж)
македонский, сербско-хорватский, словенский, хорватско-сербский языки: Пуниша Павлович (Белград)
китайский яз.: Шень Гофень (Пекин)
болгарский яз.: Павел Писарев (София)
Литературные редакторы:
английский яз.: Рой Мэлкин
французский яз.:
испанский яз.: Хорхе Энрике Адоум
Документация: Кристиан Буше
Иллюстрации: Ариен Бейли
Оформление: Робер Жакмэн
Реклама: Фернандо Аниса

«КУРЬЕР ЮНЕСКО» В 1982 ГОДУ

ЯНВАРЬ

ВСТРЕЧА С КАРИБАМИ. Знакомство с Антильскими островами, их историей и населением (А. Карпентьер). Сладость сахара и горечь рабства (М. М. Фрахиальс). Жизнь и борьба Туссена-Лувертюра (Р. Депестр). Прозорливый взгляд Симона Боливара (М. Мальдонадо-Денис). В горниле перемен (Р. Депестр). «Наши карибы» (М. П. Джонс). Ортис. Пионер карибских исследований (Л. Отеро). Новая цивилизация, рожденная в борьбе противоречий (Э. Глиссан). Месть Калибана (Р. Ф. Ретамар). ЮНЕСКО и Карибы. Хосе Марти — «гражданин Америки». Маркус Гарви и его мечта (К. Рамчанд). «Регги»: музыкальный феномен Ямайки (С. Кларк). Сокровища мирового искусства: Кресло почетного гостя (Гаити).

ФЕВРАЛЬ

НАРКОТИКИ — РАСПАД ЛИЧНОСТИ. Образование и проблема наркотиков. Обзор ЮНЕСКО. Новый подход к наркомании (Г. Эдвардс). Наркотики и общество. Сообщения из девяти стран. Роль Всемирной Организации Здравоохранения. Пути к спасению. «Лечение — это социально-культурный процесс». Коротко о наркотиках. Природные и синтетические вещества под международным контролем. Панацея или яд? (Р. Куперсток). Просьба не курить! (М. Ро). Эволюция проблемы (Г. Эдвардс и А. Ариф). Сокровища мирового искусства: Статуэтка культуры майя (Сальвадор).

МАРТ

РОДНОЙ ЯЗЫК И МОЗГ (Г. Брабин). Какая наука нам нужна? (А. Данзэн и И. Пригожин). Мир Достоевского (Е. Михайлова). Портрет гения. Наш великий современник Достоевский (О. Пас). Узлы — числа (Ж. Ифра). Африканская космология (С. С. Ньянг). Сокровища мирового искусства: Маска-шлем народности менде (Сьерра-Леоне).

АПРЕЛЬ

МЕЧИ НА ОРАЛА. За справедливость, мир и прогресс (А.-М. М'Боу). Разоружение и развитие. Веление века. Цена гонки вооружений: 1. Трудовые ресурсы. 2. Военное промышленное производство. 3. Сырьевые материалы. 4. Земля. 5. Исследования и разработки. 6. Военные расходы. О последствиях использования ядерного оружия. Сокровища мирового искусства: Ангел из Нагасаки (Япония).

МАЙ

КИЕВ. ПЯТНАДЦАТЬ ВЕКОВ КУЛЬТУРЫ. Киев как проявление духовности (П. Загребельный). Киев — центр научной мысли (Б. Патон). Киев в истории культурных связей и взаимодействий (Д. Наливайко). Как возник украинский язык (В. Русановский). Киев — столица культуры украинского народа (Г. Вервес). Скоморохи и органная музыка в Киевской Руси (С. Высоцкий). Анна Ярославна — королева Франции (С. Высоцкий). Каменная летопись веков (Ю. Асеев). Столетие Джеймса Джойса (Э. Бёрджес). Поэты мусульманской Испании (Э. Г. Гомес). Время жить... Невеста баджау (Филиппины).

ИЮНЬ

ДАРВИН. Эволюция гения (М. Пайк). Проблема, которую разрешил Дарвин (А. Азимов). Путешествие на «Бигле». Галапагосские острова. Происхождение «Происхождения» (Х. Э. Адоум). Эволюция теории эволюции (П. Тюйе). Дарвин и расизм. Макро- и микроэволюция (Б. Медников). Размышления астронома о биологии (Ч. Викрамсингхе). Время жить... По воду (Чад).

ИЮЛЬ

СКАЗКА — ЛОЖЬ, ДА В НЕЙ НАМЕК... Мир сказки (Ф. Саватер). Алиса в Стране Чудес (Э. Бёрджес). Вечно юный Пиноккио (И. Кальвино). Гекльберри Финн. Открыть самого себя (М. Брэдли). Рассказы в картинках (М. Пьер). Латинская Америка Что волнует юных читателей (Х. Э. Адоум). Главный герой африканского фольклора (А. С. Фаль). Гоха — «простак» непростой (Дж. Маклуф). Царь обезьян Сунь Укун (С. Юцзюнь). Неунывающий Иванушка (В. Берестов). Трудное дело писать для детей (М. Турнье). Время жить... Под рокот водяного барабана (Нигер).

АВГУСТ

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ. Культура и развитие: Место и роль человека (А.-М. М'Боу). Эволюция концепции: Культура и культуры (О. Клайнберг). ЮНЕСКО и политика в области культуры. На перекрестке культур: Писатель между двух миров (Т. Бен Джеллун). Национальная самобытность и иностранное господство (Н. В. Тхионго). Механизм культурного господства (А. Р. Бастос). Освобождение женщин (Х. Сунь). Многообразие культур и средства массовой информации: Чудо родной речи (Ч. Айтматов). Вновь о «всемирной деревне» (Р. Нейман). Время жить... В честь матери-земли (Чили).

СЕНТЯБРЬ-ОКТАБРЬ

ВОПРОСЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ. Культурная самобытность: Слагаемые культуры (Ш. А. Диоп). Народы Латинской Америки. Культурный облик континента (Д. Рибейру). Образование: Быть ли школе в XXI веке? Краеугольный камень образования (А. Петровский). Динамика образования. Взгляд в будущее. Голод, население, среда: Среда и развитие на чашах весов. (А. Агарвал). Окружающая среда и беднейшие слои населения. Демографический взрыв (Р. М. Салас). Разоружение, развитие: Разоружение — путь к развитию (Р. Фолк). Последствия ядерной войны. Права человека: Развивающиеся страны и права человека (Р. Кумарасвами). Права человека для всех. Самобытность культуры — в равноправии людей (Е. Сакамото). Наука, техника, коммуникация: Передача информации (А. А. Мазруи). Предвидеть непредвиденное (К. С. Холлинг). Устное слово (М. Х. Абдулазиз). Коммуникация: факты и цифры. Говорят лауреаты Нобелевской премии. Время жить... Радость чтения (Франция).

НОЯБРЬ

ЖИЗНЬ, ИСПОЛНЕННАЯ СМЫСЛА. Эта мудрая старость (Ф. Р. Уиткомб). Загадки ждут ответа (А. Аслан). Люди, которым за 90... (В. Козлов). Вечное возвращение (Н. О'Кхан Кабваса). Семейное дело (Ю. Шуй). Долгожители горных долин. Фотоочерк. Старейший мир. Факты и цифры. Роль семьи. Глазами молодых. Образование и пожилые. Исследование ЮНЕСКО. Международный план действий. Время жить... День выборов (СРВ).

ДЕКАБРЬ

ВОЙНА ВОЙНЕ (Ж.-Ж. Лебель). Антивоенные стихи: Адонис, Ай Цин, Брейтен Брейтенбах, Эрнесто Карденаль, Джейн Кортес, Жан-Пьер Фай, Аллен Гинзберг, Сони Лабутанси, Тиаго де Мелло, Амрита Притам, Кадзуко Сираиси, Андрей Вознесенский. Мировая поэзия до и после Хиросимы (С. Спендер). Однозвучны с именем Белорусии. Купала и Колас, певцы свободы (М. Танк). Явись св. Франциск сегодня, услышал бы современный мир глас «апостола нищеты»? (К. Бо). Вифредо Лам (Ф. Фернандес-Сантос). Шимановский: жизнь и музыка (Ю. Уолдон). Баради, поэт и патриот (К. Сваминадан). Памятники Хьюз. Время жить... Женщина Валь-Камоники (Италия).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР РУССКОГО ИЗДАНИЯ

Т. Ю. СОЛОВЬЕВА-МАМЕДОВА

Адрес русской редакции: 119021, Москва, ГСП-3 Зубовский бульвар, 17, тел. 247-18-40

Ордена Трудового Красного Знамени Московская типография № 2 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Зак. 614

Photo Lou Lam © SPADEM 1982, Paris

„Первый крик петуха“
Пастель, 1975, Вифредо Лам (см. с. 27)